

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

БИБЛИОТЕЧКА ЦЕНТРА РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть четвертая

Москва
Гуманитарий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия

«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла

«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

Б.Н. БЕССОНОВ

СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В четырех частях. Часть четвертая

Москва
Гуманитарий
2015

УДК 94(47+57)"1941/1945"

ББК 63.3(2)622

Б53

Бессонов, Борис Николаевич.

Советский народ – спаситель человечества. В 4 ч. Ч. 4 / Б. Н. Бессонов ; Нац. фонд поддержки социал. программ, Центр развития социал.-гуманитар. проектов. – М. : Гуманитарий, 2015. – 64 с. : ил. – (Серия "Библиотечка Центра развития социально-гуманитарных проектов". Из цикла "Имидж России в контексте исторической правды"). – ISBN 978-5-91367-119-6.

В нынешнем – 2015 году наш народ, все честные люди торжественно отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом. Эта годовщина Победы побуждает нас с уважением и благодарностью вспомнить всех тех, кто самоотверженно сражался с фашизмом, кто был его мучеником, кто отдал свою жизнь на алтарь великой победы над фашизмом.

Советские, российские ученые, исследователи из многих других стран, начиная с 20 – 30-х годов XX в., разоблачали и разоблачают классовую суть фашизма, жестокий характер его господства и диктатуры, направленные против прогрессивных слоев общества и демократии, агрессивные, империалистические устремления фашизма, захватнические, грабительские планы, преступные, бесчеловечные цели.

Долг перед советским народом, перед памятью тех, кто сражался и победил фашизм, требует выступить против фальсификаторов истории, еще раз вернуться к феномену фашизма, чтобы разоблачить его преступное лицо и подчеркнуть величие борьбы и победы над фашизмом нашего великого народа.

ББК 63.3(2)622

При реализации проекта использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25.07.2014 №243-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

ISBN 978-5-91367-119-6

© Национальный Фонд Поддержки
Социальных Программ, 2015

© Академия гуманитарных исследований, 2015

© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

© Б.Н. Бессонов, 2015

Советский народ — спаситель человечества

Часть четвертая

Расизм, национализм, шовинизм были составными частями идеологических построений у фашистов и в других странах. Например, в идеологии японского фашизма ключевым был расистский миф о «японском духе». Концепция японского духа» утверждала несравненное превосходство японской нации, освящала войну, якобы ведущую к концентрации «моральной жизненной энергии», возвеличивающую «японский дух» и т. д., и т. п.

Наиболее полно «японский дух», по утверждению фашистских идеологов, был воплощен в личности императора; император объявлялся ими олицетворением божественного начала, прямым потомком богини солнца. Японская нация же трактовалась как некая якобы единая семья, возглавляемая отцом — императором.

Взаимоотношения «отца» — императора и его «семьи» — народа основаны будто бы на взаимной семейной любви. Подобным образом рассуждал, например, фашистский теоретик Фуисава; он изображал японское государство как «биологический организм», имеющий главу (Тенно — император) и органы (члены). Император, доказывал он, есть «духовный и биологический центр японской народной общности»; он воспитатель нации и отец ее. Провозглашая превосходство, преимущество японцев, Фуисава утверждал, что японцам

внутренне-де присущи такие высокие моральные качества, как преданность императору, готовность отдать жизнь за родину, дух повиновения, храбрость, наступательный дух. По примеру своих нацистских собратьев Фуисава грубо напал на французскую буржуазную революцию, клеймил либерализм и марксизм. Он безудержно восхвалял фашистскую диктатуру Гитлера, Муссолини, клеветал на Коммунистический Интернационал и Народный Фронт, противопоставлял им так называемый Национальный Фронт, цинично спекулируя на расистских и националистическо-шовинистических предрассудках.

В 30-е годы XX в. под лозунгом японского духа в Японии были созданы многочисленные расистские, националистические организации: «Общество Дзимму», «Промышленная партия Великой Японии», «Патриотическая партия труда», «Союз молодежи Великой Японии», «Национал-социалистическая партия Японии» (позднее переименованная в «Патриотический политический союз»), «Народный союз новой Японии» и др. Все эти организации разжигали расистские, националистические чувства, призывали японцев осознать свое призвание в качестве великой нации, нации-колонизатора. Фуисава, другие идеологи «японизма» с откровенным цинизмом прославляли войну, постоянно твердили, что война — это «проявление божественной ценности», что она возвеличивает японский дух, доказывали, что мир может быть достигнут лишь в том случае, когда все народы «свободно» признают Японию как духовный центр мира и т. д. и т. п.²²⁷

Советские ученые уже в 30–40-е годы XX в. показали полнейшую научную несостоятельность и вскрыли политическую сущность концепции «японизма». Как отмечал И. Разумовский, «тот особый «оттенок» мировоззрения, на который выражает свои претензии распоясавшийся японский фашизм, целиком проистекает из его полуфеодальных корней... Дух самурайской помещичьей аристократии, помноженный на самоновейший, требующий кровавых жертв, японский империализм, про-

глядывает сквозь всю эту елейную болтовню об «отце-императоре», «родительской любви и прочих нравственных чертах японской культуры. Шайка хищных империалистов, японская военщина... стремятся прикрыть свои наглые империалистические аппетиты и полное закабаление японских трудящихся масс этими феодально-религиозными рассуждениями»²²⁸.

В конечном счете «японизм» был идеологией японского империализма. Именно дух Ямато, японский дух освящал и оправдывал навязанные японскому народу империалистическими кругами захватнические войны 1931–1945 гг.

Фашистские лидеры «малых» фашистских стран также были приверженцами расизма. Так, румынские фашисты, где только возможно, твердили об идейной общности между своей «Партией нации» и гитлеровскими нацистами. Если германские фашисты твердили о превосходстве арийской расы, то румынские «железнодорожники» утверждали главенство в Румынии валахов. Так же как и гитлеровцы, румынские фашисты были антисемитами. «Мы направляемся к решительной антисемитской политике, — писала фашистская газета «Порунка времий». — Без этого полный национализм невозможен». В духе своих нацистских вдохновителей фашистские заправилы Румынии также требовали «серьезно и рационально» разрешить славянский вопрос. Они заявляли, что славянские народы являются для Европы не политической или духовной, а серьезной биологической проблемой, что по отношению к славянам «необходимо занять непоколебимую позицию, а потому любое разделение, любая нейтрализация или занятие славянской территории являются законными актами» и т. п.²²⁹

Фашистские идеи расы, нации, крови и т. п. отнюдь не представляют собой чего-либо нового, оригинального. Обращение к истории (см. гл. 3) показывает, что правящие классы, пытаясь возвести господство и угнетение в «вечный» и «неизменный» принцип природы и общества, не раз обращались к подобного

рода теориям о высших и низших расах, к идеям о расовом и национальном превосходстве тех или иных народов.

История, наука убедительно доказывают несостоятельность всех попыток перенести биологические понятия в область общественной наук. В результате манипуляций с биологической терминологией можно всю историю подвести под один единственный «великий естественный закон» — превратить всякую социальную борьбу во фразу: «борьба за существование». В таком случае социальная борьба изображается как расовая, как борьба биологически сильных против биологически слабых.

Наука уже давно доказала всю несостоятельность расистских измышлений о происхождении рас, об их взаимодействии и взаимовлиянии. Человеческие расы образовались внутри *homo sapiens* уже после того, как сложилась социальная форма жизни. Труд дал возможность различным группам *homo sapiens* расселиться почти во всех районах Земли и жить в самых разных природных условиях.

Относительная первоначальная изоляция отдельных групп способствовала тому, что в дальнейшем развитии в процессе приспособления к конкретным окружающим условиям эти группы постепенно приобретали определенные наследственные признаки. Вместе с тем на линиях между географическими центрами сосредоточения белой, черной и желтой рас можно обнаружить наличие большого числа плавных переходов и оттенков в цвете кожи и других внешних признаках, которые обусловлены различной частотой одних и тех же генетических компонентов.

В любом случае расистские рассуждения фашистов представляют собой издевательство не только над наукой, но и над простым здравым смыслом. Поскольку каждая из современных наций в силу своеобразного хода своего исторического развития представляет собой продукт смешения самых разнообразных расовых элементов (если иметь в виду расу как совокупность физических признаков: цвет волос, форма головы, носа и т. п.), постольку в не меньшей степени это

относится к немцам, японцам и итальянцам, которым фашистские расоведы пытались внушить человеконенавистническую идею насчет какой-то их особой «расовой чистоты».

Современная наука следующим образом подходит к пониманию расы (это определение принято ЮНЕСКО): расы — это человеческие популяции, различия которых проявляются во внешнем виде их представителей и в большинстве случаев связаны с различной частотой появления комбинаций одних и тех же наследственных признаков. Различные по частоте комбинации одних и тех же генетических компонентов приводят к таким физическим различиям, как преобладающая группа крови, форма головы или пигментация кожи.

Как видим, в этом определении нет даже упоминания о наличии каких-либо характерных психических отличий у представителей различных рас. В конечном счете отдельные индивиды всех человеческих рас находятся в общем и целом на одном уровне морфологической и физиологической организации. И по мере усиления, в сущности, необратимого процесса взаимопроникновения и смешения рас происходит постепенное исчезновение рас как биологически различающихся групп людей.

В этой связи абсолютно несостоятельны также попытки фашистских теоретиков уподобить нацию, народ, государство организму, чувствующему и мыслящему. С научной точки зрения нацию, например, определяют такие вполне реальные и поддающиеся анализу признаки, как исторически сложившаяся общность экономической жизни, территории, языка и психического склада, проявляющихся в общности культуры. Именно эти признаки характеризуют собой нацию, а отнюдь не надуманная мистика расы, расовой души, общности крови и т. п. В любом случае процесс формирования наций, перспективы их развития нельзя рассматривать изолированно от развития экономической, политической и духовной жизни данного общества.

Конечно, поскольку нация как специфическая общность народа объективно существует, постольку идея нации глубоко

проникает в сознание и психологию народных масс, тем более что во многих случаях единство нации достигалось в длительной упорной борьбе против иностранного господства.

Все это и создает возможность того, чтобы сознание и психология широких слоев народа были захвачены национализмом и шовинизмом. Бесспорно, большинству немецкого населения объединение Германии, осуществленное Бисмарком, казалось реализацией вековой мечты о национальном единении, реализацией того, за что боролись лучшие представители немецкой нации. Но беда была в том, что при этом могло выхолащиваться и выхолащивалось демократическое содержание национальных чаяний. Национальное чувство постепенно стало отождествляться с традиционным верноподданническим духом немецкого мещанства, с послушанием «Государству», якобы представляющему всю нацию.

Более того, национальное чувство верноподданных все больше отождествлялось с шовинизмом господствующих классов. Шовинисты проповедовали превосходство немецкой нации, доказывали, будто национальное величие равнозначно военной силе и что война, направленная на порабощение других народов, является-де истинно национальным деянием.

Новым элементом, появившимся в шовинистической идеологии империалистических кругов Германии после поражения в первой мировой войне в 1918 г., явился реваншизм. Реваншизм – это отнюдь не призыв (или не просто призыв) к борьбе против несправедливостей Версальского договора. Реваншизм – это идеология, предпосылкой которой является разочарование, вызванное крушением надежд на создание Германской мировой империи. Реваншизм нацеливает на войну во имя реванша за поражение, подогревает эмоции и сознание людей, обещая возрождение былой мощи. Реваншистам, как правило, свойственны демагогические утверждения, будто все внутренние бедствия проистекают из этого «случайного» военного поражения и реванш, следовательно, вновь приведет в порядок все немецкие (или другого народа)

дела. Поэтому реваншизм является шовинизмом империализма, потерпевшего поражение.

Конечно, расистско-националистические, шовинистические лозунги коварны и опасны. С точки зрения науки и морали они, разумеется, несостоятельны, но, проникая в сознание и эмоции людей, они могут возбудить агрессивные намерения и толкнуть многих людей на преступные действия.

С нашей точки зрения, подчеркнем еще раз, как нет никаких высших и низших рас, так и нет высших или низших наций и народов. Каждый народ внес свой вклад в культурное наследие человечества. Культура каждого народа неотделима от культуры человечества в целом. Национальная культура — продукт гораздо более широкого притока идей, нежели тот, который ограничен пределами национальных границ. Если, например, взять европейский континент, то здесь, несмотря на длительные периоды соперничества и войн, в конечном счете сложилась общая европейская культура, порожденная социально-экономическими эпохами Готики, Реформации, Возрождения, промышленной революции. Подлинно культурный человек в любой стране никогда не ограничивался своей национальной культурой. Он неизменно устремлял и устремляет свой взор к лучшему из того, что создано другой национальной культурой. Шекспир, Гёте, Бетховен принадлежат не только Англии и Германии, но и всей Европе и всему миру, так же как Толстой, Достоевский или Рабиндранат Тагор. Вопреки клеветническим измышлениям фашистов, огромный вклад в культуру человечества внес и русский народ. Без русской поэзии, русской литературы, без Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького действительно невозможно представить мировую цивилизацию, мировую культуру.

Что касается фашистских попыток создать некую «чистую» арийскую культуру для немецкого народа, то они обернулись уничтожением как мировых культурных ценностей, так и культурных достижений немецкого народа. Лишь благодаря

победе над фашизмом была спасена мировая, в том числе и немецкая культура. Разоблачая расизм и шовинизм фашистов, советские ученые еще в 40-х годах подчеркивали, что расовая идеология, нелепые рассуждения о чистоте крови, о нации как метафизическом, трансцендентном абсолюте и т. п. — это, с одной стороны, практически весьма удобный способ скрыть убожество мысли и абсолютное невежество, ибо сей бред не требует каких-либо знаний или какой-либо аргументации; с другой стороны, провозглашение этого мировоззрения открывает совершенно исключительные возможности для террора и искоренения целых народов и государств.

Фашизм — идеология насилия и агрессивной, захватнической войны

Расизм, безудержный национализм и шовинизм явились в фашистской идеологии теоретической базой жестокого культа насилия и войны. Фашистские теоретики назойливо твердили: война — высшая цель и смысл жизни нации, необходимое средство очищения народа от всякой скверны. Война — первопричина динамики жизни и одновременно источник всех человеческих ценностей. Она — школа геройства и товарищества, она приобщает индивидуума к народному сообществу. Нация укрепляется числом солдат, которых она имеет, количеством битв, в которых она участвует.

Конечно, фашистские славословия войне опять-таки не были оригинальны. Уже в начале XX века империалистические круги желали войны, готовились к ней и, разумеется, обосновывали и оправдывали ее. Кровавая бойня первой мировой войны ничему не научила империалистов. Для них по-прежнему война была «необходимой предпосылкой прогресса цивилизации». В изданной в 1935 г. книге «Тотальная война» генерал Людендорф, все сделавший для затягивания первой мировой войны, цинично утверждал: «Война и политика служат выживанию народа, война есть высшее выражение

народной воли к жизни! Поэтому политика должна служить ведению войны... Подобно тому как мы не можем избежать смерти, мы не в состоянии избежать и войны... Это судьба всякого живого...»²³⁰.

Война была основополагающей максимой мировоззрения Гитлера. Политика – своего рода перманентное ведение войны, вооруженное столкновение – сильнейшая и классическая форма не только политики, но и жизни вообще. Пацифизм портит людей; если бы они остались жить в Эдеме, они бы сгнили. Мир, продолжающийся 25 лет, вреден для нации, – твердил Гитлер.

Апология войны и утверждение культа солдата были важнейшей составной частью идеологической системы нацизма. Фашистская пропаганда назойливо твердила, что фашистское движение имеет духовное происхождение в августовских днях 1914 г. (т. е. в тех днях, когда германские милитаристы начали первую мировую войну), когда «весь германский народ в стихийно вспыхнувшем воодушевлении поспешил взяться за оружие». Отмечая двадцатилетие со дня развязывания первой мировой войны, фашисты ставили перед собой следующую задачу: «Всему нашему народу дать теперь картину того великого, что было пережито, что двадцать лет назад поставило наш народ на его настоящий путь и что внешне и внутренне неким образом определяюще повлияло на каждую отдельную личность». И далее: «Прежде всего мы должны у живущего вместе с нами поколения пробудить и углубить сознание того, что солдатское поведение и солдатские действия должны быть неотъемлемой частью государственного творения»²³¹.

Ради этой цели фашисты эстетизировали политическую жизнь, подчеркивал В. Беньямин, видный немецкий философ, антифашист. «Массовая репродукция оказывается особо созвучной репродукции масс. В больших праздничных шествиях, грандиозных съездах, массовых спортивных мероприятиях и военных действиях – во всем, на что направлен киноаппарат, массы получают возможность взглянуть самим

себе в лицо. Высшей точкой эстетизации политики является война. В. Беньямин цитирует лидера итальянских футуристов Маринетти, который по поводу колониальной войны в Эфиопии писал: «Двадцать семь лет мы, футуристы, противимся тому, что война признается антиэстетичной... Война прекрасна, потому что обосновывает, благодаря противогазам, огнетам и танкам, господство человека над машиной... Война прекрасна, потому что делает более пышным цветущий луг вокруг огненных орхидей митральез... Война прекрасна, потому что соединяет в одну симфонию ружейную стрельбу, кнонаду, временное затишье, аромат духов и запах мертвечины. Война прекрасна, потому что создает новую архитектуру, такую как архитектура тяжелых танков, геометрических фигур авиационных эскадрилий, столбов дыма, поднимающихся над горящими деревьями, и многое другое...».

Самоотчуждение человечества достигло той ступени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга. Вот что означает эстетизация политики, которую проводит фашизм, подчеркивает В. Беньямин. (См. В. Беньямин. Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости).

Фашизму нужны были не рассуждающие и думающие люди, а выдрессированное, одержимое шовинистической ненавистью солдатское стадо, готовое безоговорочно уничтожить всех, кого фашисты назовут «врагами немецкого народа». Расистские, шовинистические измышления фашистов были призваны «открыть» «глубинные» корни агрессивности и ненависти в самой человеческой натуре, пробудить в человеке его самые низменные инстинкты. Отсюда у фашистских теоретиков и безудержная зоологизация всего понимания личности. Они доказывали, что неверно считать, будто отличие человека от животных состоит в том, что у животных господствует инстинкт, а у человека — интеллект. Инстинкты раскрываются как источники силы и у человеческого существа, влечение же может быть рассмотрено как врожденная сила инстинктов.

Фашисты откровенно объявляли идеалом «нового человека» — солдата, жестокого, жаждущего крови солдата. В войне с «врагом» не должно быть никакой жалости, никакой пощады. «Никакой жалости, жестокость», — цинично разглагольствовал Гитлер. «Кто может оспаривать мое право уничтожать миллионы людей низшей расы, которые размножаются как насекомые? — продолжал фюрер. — ...Будущая война будет ужасной, кровавой, жестокой. Но война наиболее жестокая, война, которая не будет делать разницы между военными людьми и мирными жителями, будет также войной наиболее приятной. Я хочу войны, и все средства для меня хороши. Война будет вестись по-моему, война — это я»²³².

По отношению к «врагам» фашисты не признавали никаких моральных принципов, напротив, оправдывали самые бесчестные поступки, более того, возводили их в ранг доблести и образцов для подражания, если они служили интересам расы и нации. Верность фюреру — вот единственный нравственный принцип, которым должны были руководствоваться арийцы. В отношениях с представителями других рас и народов такие принципы, как честь, совесть и т. п., исключались. Гитлер лично провозгласил человеконенавистнический тезис: «Я освобождаю человека от унижающей химеры, которая называется совестью... Я имею то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка... Я провожу политику силы, не беспокоясь о мнимом кодексе чести»²³³.

Свои человеконенавистнические замыслы по отношению к другим народам фашистские заправилы пытались обосновать и геополитически. Германии, находящейся в центре Европы, геополитически предопределено расширять свои границы во все стороны, твердили Гитлер, Розенберг, Геббельс и др.

Спекулируя на тезисе: «народ, нация без жизненного пространства», Гитлер нагло оправдывал и прославлял захватнические войны. «История всех времен — история Римской империи и Британской империи — доказала, что всякая

территориальная экспансия возможна лишь путем преодоления сопротивления и в результате риска. Неизбежны даже неудачи. Ни раньше, ни теперь не существовало территории без владельца. Нападающий всегда сталкивается с владельцем. Поэтому проблемы, стоящие перед Германией, могут быть разрешены лишь силой... Обстоятельства должны быть приспособлены к целям. А это невозможно без вторжения в иностранные государства или посягательства на чужую собственность»²³⁴, — разглагольствовал Гитлер. В том же духе вещал и Геббельс: «Нам необходимо жизненное пространство. А что это означает? Определение мы дадим после войны. Когда эта война закончится, мы станем хозяевами Европы. Тогда мы станем вновь принадлежать к имущим нациям, тогда у нас будет сырье и ресурсы и тогда нашей собственностью станет крупная колониальная империя... Мы, национал-социалисты, всегда стояли на той точке зрения, что в 1918 году война не завершилась. Наступил лишь большой перерыв. Заключительный акт разыгрывается сейчас. Эта драма закончится немецкой победой и не станет трагедией».

Фашистским законам вторили и ученые-геополитики. Опираясь на идеи Р. Челлена, который рассматривал государство как «чувственно-разумное существо», подобное человеку, гитлеровские геополитики Р. Генниг, К. Гаусгофер, Х. Гюнтер и другие твердили, что у государства, точно также как и у отдельного человека, тенденция роста проявляется в двоякой форме: расширения и деления. Геополитик Р. Генниг, например, доказывал, что «обыкновенное расширение границ государства напоминает телесный рост молодого человека, основание колоний — процесс размножения. Следовательно, народ, государство, стремящиеся захватить другие территории, обнаруживает лишь здоровый инстинкт размножения и это надо только приветствовать. Тем более это касается германского народа, народа без территорий; он задохнется, если не будет добиваться расширения своего жизненного пространства»²³⁵.

Другой геополитик К. Гаусгофер в книге «Границы» подчеркивал, что целью его работы служит воспитание в немецком народе чувства границы, создание атмосферы для геополитического ощущения просторов. «Надо создать среди всех слоев народа убеждение в недостаточности жизненного пространства в тех размерах, в каких оно сейчас имеется и, в негодности его теперешних границ, — утверждал он. — Этого можно достигнуть только тем, что под влиянием воспитания весь народ от смутного чувства стесненности из-за недостаточности пространства для дыхания, из-за недостатка воздуха, из-за давящей тесноты перейдет к сознательному стремлению изменить свои границы».

Апеллируя к геополитическим лозунгам, Гитлер, Геббельс, другие фашистские заправилы истошно призывали к войне за создание «Великой Германии». Великая Германия, по замыслам гитлеровцев, должна была включать в себя Голландию, Бельгию, Северную Францию, Эльзас и Лотарингию, Люксембург, Швейцарию, Австрию, Чехословакию, Прибалтийские страны, часть Югославии и т. д. Первый шаг на этом пути — уничтожение Франции, этого заклятого и смертельного врага Германии. Затем — разгром Англии, которую следовало наказать, лишив ее наиболее прибыльных колоний и сделав полувассальным государством. Причем, в любом случае сведение счетов на Западе — только прелюдия. Его можно рассматривать исключительно как прикрытие тыла с целью расширения территории. Главное направление экспансии теперь — Восток, — разглагольствовал Гитлер. Германия теперь должна искать приобретение новых территорий в Восточной Европе, и, прежде всего, за счет России.

Примечательно, что захватнические аппетиты Гитлера, нацистов выходили далеко за пределы Европейского континента. И в конечном счете было совершенно ясно, что речь шла отнюдь не о жизненном пространстве, но о мировой нацистской империи, о мировом господстве фашистской Германии.

Геополитический тезис о жизненном пространстве широко использовали и итальянские фашисты. Их идеологические

подручные «доказывали», что стремление к империи, к национальному распространению является будто бы жизненным проявлением; обратное, то есть «сидение дома», — это признак упадка. Народы, возвышающиеся и возрождающиеся, всегда-де являются империалистами.

Жонглируя лозунгами: «Народ без территории», «Народ без жизненного пространства», Муссолини обосновывал и прославлял захватнические колониальные войны. «Если нам не хватает пространства, мы должны получить его», — заявлял Муссолини. И угрожающе продолжал: «Если требования Италии не будут осуществлены путем переговоров, то они будут осуществлены при помощи оружия. Италия требует от Франции не больше, но и не меньше того, что должно принадлежать ей в силу исторического права: Тунис, Суэц и Джибути. Кроме того, следует урегулировать вопрос о Корсике. Итальянский народ убежден в том, что этот остров принадлежит ему»²³⁶.

Осуществляя свою империалистическую политику, фашистская Италия вела истребительную войну против Эфиопии, вместе с гитлеровской Германией участвовала в интервенции против республиканской Испании. Даже в 1942 г., после сокрушительных поражений на советском фронте, итальянский фашизм имел наглость претендовать почти на одну треть Африки (Судан, Тунис, Алжир и другие области с границей от Индийского океана до Атлантического), большую часть балканского полуострова и часть французской территории (Ницца, Корсику, Савойю), не отказываясь в то же время от старых притязаний итальянского империализма на страны Ближнего Востока, а в том числе и на часть территории Турции.

Таким образом, ясно, что все рассуждения фашистских заправил Италии о народе без жизненного пространства служили одному — обоснованию программы агрессивных, захватнических войн.

Лидеры «малых» фашистских стран также твердили о нехватке жизненного пространства и доказывали, что искать

его нужно, прежде всего, на Востоке. В 1942 г. вице-премьер фашистского правительства Румынии М. Антонеску в своем докладе «Румыния в завтрашней Европе», призывая помочь Гитлеру и Муссолини в их военной миссии по уничтожению большевизма, вместе с тем раскрыл аппетиты румынского империализма. Он уверял, что Румынию после достижения конечной победы ожидает в новой Европе блестящее будущее, что она станет «воротами против восточных славян, воротами, через которые богатства немецкой Центральной Европы будут связаны с румынским Черным морем». «Через Северные Карпаты, — разглагольствовал он, — мы проложим мост к великой немецкой массе. Через Львов мы свяжемся с Балтийским морем, через нас будут стекаться богатства Европейского Севера на юг и восток Европы; благодаря Дунаю мы принадлежим к Центральной Европе, мы — кроны Балкан, а через Черное море мы протягиваем нашей сестре Италии руку вечной латинской веры»²³⁷.

История многих стран и многих поколений показала полнейшую несостоятельность всякого рода теорий о якобы нехватке жизненного пространства для тех или иных народов, для тех или иных стран, из-за которой-де и проистекают все бедствия и страдания данного народа или страны. Географическая изоляция стран рухнула вместе с промышленной революцией, с созданием железных дорог. «Гранитные стены, за которыми каждая провинция сохраняла свои национальные особенности и вела замкнутую местную жизнь, перестают служить преградой... Альпы и Богемский лес как бы перестают существовать; новая артерия простирается от Триеста до Гамбурга, Остенда и Гавра, далеко за пределы империи, пересекая горные хребты и проникая до отдаленных берегов Северного моря и Атлантического океана. Участие в общих делах всего государства, в событиях внешнего мира становится необходимостью. Провинциальное варварство исчезает»²³⁸. Дело, в конечном счете, не в несовершенстве политической карты мира, не в несоответствии исторических границ

«естественным» интересам государства. Дело в индустриальном развитии страны, в способе производства материальных благ, в отношениях с другими странами, в торговле с ними, в культуре страны.

Фашистские геополитические теории служили одной-единственной цели — оправдать откровенно шовинистические, захватнические войны фашизма. В конце концов эти агрессивные и человеконенавистнические теории абсолютно противоречили коренным интересам любого народа, в том числе и немецкого. Однако, к сожалению, они отравили сознание значительной части немецкого народа. «Немецкой буржуазии, в течение многих десятилетий обольщивавшей немецкий народ, удалось убедить немало немцев в том, что распространение господства немецкого народа на другие народы является ключом национальной мощи и свободы, что немецкая нация тем сильнее и свободнее, чем больше она умеет распространять свое господство на другие народы, подавлять свободу и право на самоопределение других народов, вовлекать их в захватнические войны и грабить их».

Обманывая немецкий народ, лживо утверждая, что все бедствия немецких трудящихся объясняются исключительно плотностью населения Германии, несоответствием между количеством населения и размерами территории и что вследствие этого единственный путь к подъему жизненного уровня немецкого народа лежит в расширении его жизненного пространства, гитлеровцы планировали агрессивные захватнические войны. Они ставили своей задачей не просто военный разгром своих реальных и мнимых противников, одновременно они планировали ограбление поработенных стран и народов, ограбление в таких масштабах, каких история еще никогда не знала.

В частности, касаясь целей войны с Советским Союзом, Гитлер откровенно «разъяснял»: речь в данном случае идет о том, «чтобы умело разрезать на куски этот гигантский пирог, дабы мы, во-первых, могли его покорить, во-вторых, им управлять, и, в-третьих, его эксплуатировать».

Бесчеловечность фашистских агрессивных планов заключалась в том, что фашисты помышляли не только о захвате пространства, территорий, продовольствия и сырья, фашисты ставили цель поработить и даже уничтожить другие народы. Вот как рассуждал о немецкой политике по отношению к Советскому Союзу, к русским, вообще к славянам сам Гитлер: «Что же касается потешной сотни миллионов славян, то мы выберем лучших из них и приведем их в надлежащий нам вид. Остальных же мы изолируем в их собственных свинарниках. И всякий, кто осмелится говорить о поощрении местных жителей и цивилизовывании их, отправится прямиком в концентрационный лагерь». Геринг твердил в том же духе: «В этом году до 30 миллионов русских умрут от голода. Так и должно быть: определенным народам предстоит исчезнуть. В лагерях для русских пленных они уже начали поедать друг друга».

Не отставал от Геринга и М. Борман: «Славяне существуют, чтобы работать на нас. Как только мы перестанем нуждаться в них, они могут умереть».

Гитлеровский идеолог А. Розенберг столь же цинично заявлял: «Или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы... Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ». Конкретизируя решение «русской проблемы», Розенберг подчеркивал: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова встать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска... Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казах и не украинец... Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее зами-

рено. Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косо́й взгляд»²³⁹.

«У эсэсовцев должен быть один абсолютный принцип: мы обязаны быть искренними, порядочными, верными и относиться по-товарищески только к тем, кто принадлежит к нашей собственной крови, и ни к кому более. Как дела у русских, что с чехами — мне совершенно безразлично. То, что у народов связано с качественной кровью нашего типа, мы заберем себе, и если понадобится, то отнимем детей и воспитаем их по-своему. Живут ли другие народы зажиточно или подышают с голоду — интересует меня лишь настолько, насколько мы нуждаемся в них как в рабах... Будут ли держаться на ногах от усталости 10000 русских баб на строительстве противотанкового рва — интересует меня лишь настолько, насколько готов противотанковый ров для Германии...»²⁴⁰, — «рассуждал» еще один сподвижник Гитлера — Гиммлер, выступая на совещании группенфюреров СС.

Германизировать славянское население, лишить его государственности, подавить его культуру, физически уничтожить поляков, русских, чехов, югославов и т. д. — такова была программа фашистских извергов. Нацистский план «Ост» предусматривал в течение 25–30 лет уничтожить 120–140 млн человек в Советском Союзе и Польше. (Только за годы оккупации в Польше фашистами было убито 6 млн польских граждан (в том числе 2,7 млн еврейского происхождения)). Остальных — онемечить. В Польше и в западной части СССР предполагалось разместить 10 млн немцев, а в Прибалтику переселять датчан, норвежцев, голландцев и англичан.

Одним из важных средств подавления славян нацисты считали разгром их культуры, уничтожение интеллигенции славянских народов. Славянские территории должны быть только сырьевой и энергетической базой. Славяне должны быть обречены на тяжелый, неквалифицированный труд. Их жизненный уровень должен быть низким и повышать его никогда не следует.

Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы этим народам давалась возможность культурного развития, создания собственной интеллигенции, собственных очагов национальной жизни. Иначе, предупреждал, в частности, Гитлер, позднее из этого может возникнуть оппозиция, от которой потом долго не избавиться. Уничтожение интеллигенции славянских стран – таков жизненный закон, – подчеркивал и Гиммлер. И разъяснял, что для решения этой проблемы принципиальным вопросом является вопрос о школах и тем самым вопрос об отборе и просеивании молодежи. Для немецкого населения на Востоке не должно быть образования выше, чем четырехклассная народная школа. Цель этой народной школы должна состоять лишь в следующем: умение считать, самое большее до 500, и правильно написать фамилию. Убеждение, что послушание немцам, откровенность, прилежание и порядочность являются божьей заповедью. Умение читать я считаю излишним. Других школ на Востоке быть не должно...»²⁴¹.

Жестоким средством уничтожения населения захваченных стран был массовый угон граждан этих стран на принудительный труд в Германию. Из оккупированных стран фашисты насильственно вывозили сотни тысяч людей, в том числе и детей (с целью «воспрепятствовать восстановлению биологической силы противника в будущем»). В Германии или на захваченных фашистами территориях эти люди жили в невыносимых условиях концентрационных лагерей. Они страдали от голода, холода, от болезней, напряженных темпов работы и садизма эсэсовских охранников и «капо». Потрясающим свидетельством бесчеловечного обращения фашистов с узниками концлагерей являются рассказы самих заключенных.

Так, заключенные из Освенцима, работавшие на гигантских заводах по производству синтетического горючего и каучука концерна «ИГ Фарбениндустри», рассказывали: «Мы работали на огромном заводе по производству «буны», куда нас сгоняли каждый день около 3 часов утра. На обед

нам давали похлебку из картофеля или брюквы, а вечером — немного хлеба. Обращались с нами ужасно. Поскольку наше место работы находилось за пределами большой цепи карательных постов, оно было разделено на маленькие участки в 10х10 метров, каждый из которых охранял эсэсовец. Любого, сделавшего хоть шаг за пределы этих квадратов в рабочее время, без всякого предупреждения убивали выстрелом на месте за «попытку к бегству». Часто случалось, что эсэсовец исключительно по злобе приказывал заключенному принести какой-либо предмет, находившийся вне его квадрата. Если он выполнял этот приказ, эсэсовец убивал его за то, что тот отошел от отведенного ему места. Работа была очень тяжелой, без перерыва для отдыха. На работу и с работы надо было бежать быстро, как бегут солдаты; любого, кто выбивался из строя, убивали... Лишь очень немногие могли вынести такое напряжение, и, хотя побег был невозможен, попытки бежать бывали ежедневно. В результате каждую неделю вешали по несколько человек»²⁴².

В обращении с иностранными рабочими фашисты руководствовались инструкцией генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Заукеля, в которой говорилось, что «все рабочие должны получать такую пищу и такое жилье, и подвергаться такому обращению, которые давали бы возможность эксплуатировать их в высшей степени и при самых минимальных затратах».

Исходя из этой инструкции, верхушка СС и руководство «ИГ Фарбениндустри» договорились о том, что «ИГ» будет платить СС по 3 марки в день за каждого неквалифицированного рабочего — заключенного концлагеря и по 4 марки — за квалифицированного. В дальнейшем эсэсовцы согласились поставлять «ИГ» даже и детей за 1,5 рейхсмарки²⁴³.

Через филиал «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме прошло 300 тыс. рабочих из концлагерей, из которых свыше 25 тыс. были замучены на работе до смерти. Деятельность «ИГ» лучше всего характеризует кощунственная реплика одного из

руководителей этого концерна: «Заключенные — это только инструменты, которые используются в работе; когда они изнашиваются, их выбрасывают, заменяя другими»²⁴⁴.

70 % работающих на заводах А. Круппа также составляли заключенные концлагерей или рабочие, принудительно доставленные из других стран. А. Крупп имел и собственные концлагеря. Особенно жестоко относились в крупповских концлагерях к русским. Служащие концерна руководствовались «правилом»: нельзя верить жалобам на плохое питание русских. Нельзя забывать, что это — большевики и что им полагаются побои вместо хлеба. При малейшем сопротивлении со стороны русских рабочих следует беспощадно применять оружие.

Х. Арендт в своей книге «Банальность зла» цитирует Давида Русье, бывшего узника Бухенвальда, который писал о поведении СС в концлагерях: «Триумф СС требовал, чтобы истерзанная жертва позволяла отвести себя к виселице, не выказывая ни каких протестов, чтобы жертва отреклась от себя, забыла о себе, чтобы она утратила свою личность. И делалось это не просто так, не из чисто садизма, эсэсовцам было нужно, чтобы жертва признала свое поражение. Эсэсовцы понимали, что система, которая способна уничтожить жертву еще до того, как она взойдет на эшафот... является лучшей из всех возможных систем, призванной держать в рабстве целый народ. В рабстве. В подчинение. И нет страшнее зрелища, чем эта процессия человеческих существ, покорно словно марионетки, бредущих к смерти».

Х. Арендт добавляет: На свете существует многое, что страшнее смерти, и эсэсовцы уж постарались, чтобы их узники испытали все возможные и невозможные страдания. Вот как выглядела география ужаса — география концлагерей: Фюльсбюттель, Нойенгамме, Эстервеген, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Орианенбург, Треблинка, Хертенгенборг, Берген-Бельзен, Кульмхоф, Моринген, Дора, Лихтенбург, Нидерхаген-Вевельсбург, Бад-Суза, Майданек, Собибор, Бухенвальд,

Заксенбург, Гросс-Розен, Бельзек, Терезиенштадт, Плазов, Хинцерт, Флоссенбург, Аушвиц, Натвайлер-Штрутхоф, Дахау, Маутхаузен.

После разгрома фашизма руководители «ИГ» были арестованы. Однако, американский суд вынес им смехотворно мягкие приговоры: от 1,5 до 8 лет тюремного заключения. Главный обвинитель Дж. Дюбуа назвал их «достаточно мягкими, чтобы угодить вору, таскающему кур».

Разумеется, «ИГ» не был одиночкой: жестоко эксплуатировали рабский труд иностранных рабочих и заключенных из концлагерей и другие концерны и фирмы фашистской Германии. Как отмечает У. Манчестер, убийство, грабеж, порабощение и жестокое обращение с тысячами людей – все это широко практиковалось и в крупшовском «государстве в государстве», особенно в последние годы приближавшегося к краху нацизма²⁴⁵.

Жестоко и особенно изощренно человеконенавистническая фашистская программа «обезлюдивания» осуществлялась непосредственно в концентрационных лагерях. Газовые камеры, душегубки, печи для кремации – наиболее распространенные способы, применяемые для умерщвления людей в концентрационных лагерях.

«Голод и голодная смерть, садизм, плохая одежда, отсутствие медицинского обслуживания, болезни, избиения, виселицы, замораживания, вынужденные самоубийства, расстрелы и т. п. ... Заключенных убивали без разбора, ... впрыскивание яда, расстрелы в затылок были ежедневными событиями; свирепствовавшие эпидемии брюшного и сыпного типа, которым предоставляли неистовствовать, служили средством уничтожения заключенных; человеческая жизнь... ничего не значила. Убийство стало обыденным делом, настолько обычным, что несчастные жертвы просто приветствовали смерть, когда она наступала быстро», так Международный военный трибунал в Нюрнберге охарактеризовал обстановку, царившую в нацистских концентрационных лагерях. За

страшные годы фашистского террора свыше 26 млн человек были брошены в концлагеря, из них 11 млн были зверски умерщвлены. Лишь быстрое наступление советских армий помешало эсэсовским убийцам завершить свою кровавую оргию.

Нормальное человеческое воображение поражают тупость и цинизм нацистских убийц. Когда одному из начальников концлагерей сказали, что в лагере от недоедания умирает слишком много людей и что надо искать выход из создавшегося положения, он ответил: «Будем расширять кладбище». (Э. Юнгер. Дневники.)

После освобождения советскими войсками Освенцима его первый советский комендант Г.Д. Елисаветинский писал своей жене: «за три с половиной года войны я видел много ужасов и кошмаров, но то, что я лично видел в Освенциме, это нельзя было себе представить даже при самой невероятной фантазии. Представь себе город, вокруг которого 9 лагерей, в которых в среднем 60–80 тыс. народа со всех сторон мира... Здесь было четыре печи (крематория), в которых ежедневно сжигали по 15–25 тыс. человек. В дни наибольшей нагрузки, когда не успевали в печах сжигать людей, их сжигали в таких специальных цементных ямах, куда людей бросали живыми. В этих ямах сжигали по 15 тыс. человек.

Сначала людей вводили в подвалы, расположенные под печами, там все было устроено, как в душевой. Когда же подвал заполнялся от 1500 до 2500 человек, закрывалась дверь и туда пускали газ. Через 10–15 минут умерщвленных людей подавали наверх, где и сжигали в печах». При этом эти изверги заставляли сжигать свои жертвы евреев из зондеркоманд, также в конце концов обреченных на смерть. Эсэсовцы развращали этих людей. Они были сыты, но одичавшие, озверевшие, жестоко подлые и готовые на все. День за днем они брали тысячи тел и бросали их в печи крематориев. Это перенести могли только роботы, рабочие механизмы без души. Некоторые из них под тяжестью того, что они

делали, впадали в тяжелые нервные расстройства. Ведь они осознавали, что их братья, их жены, их родители — вся их раса мучительно погибала.

Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана, в этой связи заявил: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в «советах старейшин» — «юденратах». Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертвы и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но в конце концов и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...».

Немцы в данном случае перекладывали часть вины к собственному облегчению — на свои жертвы; их, жертв, сознание уже не могло быть безвинным. В то же время это, как утверждали фашисты, доказывало, что евреи, — эта низко-развитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. Х. Арендт и Примо Леви безоговорочно осуждают зондеркоманды как предателей. Но, как замечает П. Полян, во-первых, членов зондеркоманд никто не спрашивал: не хотят ли они опробовать себя в новой профессии; и, к тому же, выбор был не между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой хлеба, а между жизнью и смертью, между принятием навязываемых СС условий и прыжком в пылающую печь.

Что сделали бы Х. Арендт и П. Леви, если бы они оказались на месте этих грязных предателей? Прыгнули бы они в печь? К тому же, среди зондеркоманд были и те, кто не подписывал контракт с дьяволом в своей душе. Интеллектуальным и воле-

вым усилием они подавляли в себе непреодолимое желание жить и сохраняли человечность. «Воля к сопротивлению — лучшее лекарство от снижения человечности, не говоря уже о счастье практического выражения сопротивления», пишет Павел Полян.

Участие в массовых убийствах разрушало психику и самих убийц. Теодор Юст — участник массовых убийств женщин и детей. Позже жестоко обращался со своим сыном: «Ты не должен был жить! Другие, а не ты, должны были жить!». И Матиас Юст подумал, что и вправду не должен был жить, раз те дети валялись мертвыми на земле под ногами у его отца, а тот шел по их трупам — так же как обычно ходил по полям... М. Юста всю его жизнь преследовал кошмар «отвратительного, мерзкого» прошлого, прошлого его отца...

Еще пример: Врач сортирует прибывших в концлагерь — отделяет старых, слабых, больных от способных работать, произнося всего два слова: линкс, рехтс... Один мальчик, которого он отправил налево (на смерть), стал яростно отбиваться от солдат. Секунду врач колебался, но повторяет: Раз Я сказал налево, значит налево. Ночью ему не спится, он идет в детскую, где спит сын. Его ребенок похож на того паренька — вот, значит, почему ему стало не по себе. Он крепко обнимает сына, прижимается к его спине. Мальчик всей кожей впитывает тепло отца, как будто черный зверь, намертво вцепившись, увлекает его в пропасть, — это чувство остается на всю жизнь, и еще голос, роняющий два коротеньких слова: линкс, рехтс...

Жестокость, террор, расстрелы, организованные массовые убийства также были основой оккупационной политики нацистов на захваченных территориях. Мирное население систематически и жестоко истреблялось. Например, в Ленинградской области было убито и замучено свыше 172 тыс. мирных граждан, в Сталинградской области — свыше 40 тыс., в Крыму мирные граждане были погружены на баржи, вывезены в море и потоплены. Таким путем было уничтожено

свыше 144 тыс. человек. В Киеве фашисты убили около 200 тыс., в Ровно и Ровенской области убили и замучили свыше 100 тыс. мирных граждан, в Одесской области было убито не менее 200 тыс., в Харькове около 195 тыс. человек было расстреляно и удушено в душегубках. В Львовской области и городе Львове немецкие фашисты истребили около 700 тыс. советских граждан.

Проводя свою варварскую политику «обезлюживания» фашисты методически и хладнокровно уничтожали промышленные и сельскохозяйственные объекты, учебные заведения, медицинские учреждения, города, поселки, деревни. В частности, на территории СССР они разрушили около 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожной полосы, 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи. Фашисты уничтожили в СССР 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, техникумов и вузов, 45 тыс. общественных библиотек. Они разграбили и уничтожили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 тракторных станций, 1710 городов, более чем 70 тыс. деревень и поселков, более чем 6 млн зданий, оставили без крова около 25 млн человек.

Фашистские варвары разрушали и уничтожали города и поселки и в других странах. Они разрушили и уничтожили Гернику, Орадур, Лидице, Ковентри, Варшаву и многие другие прекрасные и древние города Европы. Они убили миллионы, десятки миллионов лучших людей Европы.

Фашисты убивали юношей и девушек, растаптывали их надежды во всех странах, которые они захватили. Они убили Анну Франк, голландскую девушку, дневник которой – потрясающее свидетельство душевных мук, переживаний, вместе с тем глубокого понимания того, что несет людям фашизм и надежд, все-таки надежд, несмотря ни на что. «Для меня совершенно невозможно строить свой мир, основываясь на смерти, безысходности и хаосе. Да, мир все больше превращается в пустыню, да, все громче раскаты приближающегося

грома, который нас убьет, да, велико горе миллионов, и все же, когда Я смотрю на небо, Я думаю, что все опять обернется к лучшему, что эта жестокость прекратится, что в мир вернутся покой и тишина. А Я должна до тех пор сохранить свои идеалы, как знать, возможно, в грядущие времена еще удастся претворить их в жизнь». Ее надеждам не суждено было сбыться...

А какие страдания, какие муки принес фашизм советским, русским детям. Имя ленинградки Тани Савичевой, погибшей в блокаде, известно всему миру. Увидев страницы дневника Тани, узнав, что там написано, госпожа Черчилль не удержала своих слез.

Какие душевные муки вынес, какую духовную стойкость проявил Юрий Рябинкин, о котором в «Блокадной книге» рассказала всем А. Адамович и Д. Гранин. «Стойкость Юры Рябинкина кажется порой нестойкостью: голод справляется с нею, проламывает ее то тут, то там. Но она возрождается. С еще большей требовательностью к себе восстанавливалась его забота, любовь, его стыд, доброта. Он страдал от голода, морозов, от вшей, но при этом страдал от стыда, его одолевала любовь к близким, ненависть к врагам, он мечтал, ему снилась победа. Как животное, он уступал инстинктам, готов был грызть дерево, ремни; как человек, он держался за книги, семью, навыки культуры, за красоту, за мысли, которые не могли ужиться с происходящим... Жажда самосохранения не могла разрушить в нем человека».

И таких юношей и девушек, жаждущих жизни, добра и красоты и способных принести миру эти добро и красоту фашисты безжалостно, бесчеловечно убивали.

Фашисты запятнали себя кровавыми преступлениями не только против мирного населения; они опозорили себя военными преступлениями. Еще до нападения на Советский Союз Гитлер на совещании с командующими вермахта заявил, что борьба между Германией и Россией – это не просто военный конфликт между двумя государствами, это гигантская борьба

между народами и расами, в ходе которой побеждает одно мировоззрение и безжалостно уничтожается другое.

Гальдер, записывая это выступление Гитлера, подчеркнул его следующие основные положения: «Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать... Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно, что антиобщественное преступление... Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость – это благо для будущего. От командиров требуется жертва – преодолевать все сомнения».

Руководствуясь указаниями фюрера, Гейдрих на совещании в мае 1941 года устно довел до командиров «зондер-команд» приказ об уничтожении всех евреев, всех «неполноценных азиатов», всех коммунистических функционеров и цыган. Подписанный в это же время «указ фюрера» фактически освобождал военнослужащих вермахта от преследования за уголовные деяния в отношении советских гражданских лиц. Другое распоряжение фашистских заправил, так называемый «приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г., предусматривал, что все политкомиссары Красной Армии, поскольку они являются «зачинщиками по-варварски азиатских методов борьбы, в случае их захвата на поле боя или при сопротивлении немедленно и безоговорочно уничтожаются с помощью оружия», и, наконец, «руководящие указания» Верховного командования, доведенные до сведения более чем трех миллионов солдат непосредственно перед нападением на СССР, требовали принятия «беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного искоренения любого активного и пассивного сопротивления». Эти меры дополнялись шумной кампанией против «славянских недочеловеков», которая воскрешала картины «монгольского нашествия» и называла большевизм современным выражением «вызванного к жизни еще Аттилой и Чингисханом азиатского стремления к разрушению»²⁴⁶.

В начале войны генерал Кейтель, получив доклад, содержащий указания на факты жестокого обращения с захватываемыми в плен красноармейцами и ссылки на существующие нормы международного права, цинично написал на нем: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь речь идет об уничтожении целого мировоззрения, поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их»²⁴⁷. В приказе «О коммунистическом повстанческом движении» Кейтель предписывал за каждого убитого немецкого солдата расстреливать 50–100 коммунистов. Начальник управления по делам военнопленных генерал Рейнеке высказался столь же откровенно жестоко: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, т. е. как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению»²⁴⁸. Что касается партизан, то они, по представлению немецких генералов, — просто бандиты. В обращении с ними единственно правильное решение — пуля. В фашистском плену было замучено 2,5 млн красноармейцев (немецкие же пленные почти все — около 2 млн человек — вернулись из советского плена домой).

И после всего этого представители Верховного военного командования фашистской Германии смели утверждать на заседании Нюрнбергского трибунала, что расстрелы военнопленных красноармейцев и захваченных партизан — все это преступления эсэсовцев и что они ничего якобы не знали об этих зверствах! Военное командование вермахта несет прямую ответственность за кровавые преступления против красноармейцев, военнослужащих других стран антигитлеровской коалиции, за жестокую расправу над мирным населением.

Фашистское тоталитарное государство. Принцип фюрерства как воплощение фашистской диктатуры

Составной частью бесчеловечной фашистской идеологии была «концепция» тоталитарного государства, призванная

обосновать установление фашистами после узурпации ими государственной власти жестокой террористической диктатуры в собственной стране. Фашисты, добившись власти, создали страшное тоталитарное государство: ликвидировали все прежние представительные (парламентские) формы государственного устройства, ввели полный государственный контроль за всеми сферами общественной и личной жизни граждан, жестоко подавляли любые оппозиционные выступления, т. е. установили в конечном счете открытую террористическую диктатуру. Тоталитаризм выступал и выступает как альтернатива либерально-демократическому государству в том виде, в каком оно сложилось после буржуазно-демократических революций. Как известно, либерально-демократическое государство базировалось на признании естественных прав личности, провозглашало широкие индивидуальные гражданские свободы, которые не подлежали непосредственному государственному контролю. Известный германский просветитель В. Гумбольдт следующим образом определил отношение классического либерализма к государству: «Государство заботится о благосостоянии граждан и не берет на себя другие функции, кроме необходимости обеспечения своей собственной безопасности и защиты против внешнего врага; ни в каком другом случае оно не должно ограничивать свободы»²⁴⁹. Бесспорно, подобная политическая эмансипация, провозглашенная победившей буржуазией, стремившейся к свободному развитию капиталистической инициативы, была огромным шагом вперед в освобождении человека, общества в целом.

В противовес подобным естественно-правовым взглядам на государство, как реакция на Французскую буржуазную революцию возникла тенденция абсолютизации суверенитета государства. Она нашла свое выражение, прежде всего, в теориях так называемых реставраторов, в «органической» теории государства, в известной степени в государственно-правовой концепции Гегеля.

Эти теории опирались на старый тезис, идущий от Платона и Аристотеля: государство существует прежде человека,

государство имеет приоритет над личностью. Гегель, как известно, также утверждал: «Так как оно (государство) есть объективный дух, то сам индивид лишь постольку является объективным и нравственным, поскольку он есть член государства». Государство по Гегелю — это организованное целое, которое стоит выше индивидуума, его воли и желаний, т. е. выше субъективного начала. Только через отождествление своих индивидуальных «Я» с государством люди что-то собой представляют²⁵⁰. Вместе с тем, как выше было показано, Гегель считал, что государство тогда выражает действительность нравственной идеи, когда оно уважает субъективность, индивидуальность, личность.

Классики германского историзма Л. Ранке, Г. Трейчке рассматривали государство как проявление объективного духа, как выражение божественной воли и в этой связи оправдывали авторитарную форму государственного правления и культ силы. По их утверждениям свобода человека как индивидуума состоит в отказе от своего «Я», в принятии им как своих собственных всех законов, традиций и институтов государства. Государство всегда право, оно не может совершить что-нибудь неправильное.

Особенно широко распространились воззрения на государство как «органическую форму жизни», как «физиономию исторического бытия человечества» во время и после первой мировой войны. Под воздействием войны в буржуазном обществе усилилась тяга к авторитарным методам управления, выросли политическое могущество монополий, их влияние на государственный аппарат. В этих условиях подвергается острым нападкам сложившаяся в русле классического либерализма концепция «государства — ночного сторожа», согласно которой государство никаким образом не должно вмешиваться в частную борьбу интересов, не должно вмешиваться в договорные отношения между предпринимателями и рабочими. Полная свобода конкуренции выгодна всем: если экономическая и социальная борьба будут происходить без

всяких стеснений, то каждый лучше всего сумеет отстаивать свою свободу, свою пользу и, таким образом, будет достигнута наибольшая свобода и польза для всех.

О. Шпенглер и другие теоретики, опровергая эту концепцию, отвергая лозунг «Laissez-faires», т. е. призыв к свободе от государственного вмешательства в сфере «гражданского общества», доказывали, что государство – это не механическая совокупность отдельных граждан, но живая целостность. Государство – не отвлеченный субъект права и не совокупность юридических норм, но конкретная форма жизни. Государство – не придаток правопорядка, но развитие витального принципа самосохранения. Государство – не надстройка над общественной реальностью, свойственная определенным ступеням в жизни человека, но реальная необходимость, обусловленная самим началом жизни, и т. д. и т. п. Они требовали подчинения «эгоистического» индивидуума «целому», «общему благу», олицетворением которого и объявляли государство, сильное, могущественное.

Фашистские идеологи широко использовали подобные воззрения. Так, итальянский философ Д. Джентиле доказывал, что либеральное государство не может осуществлять общую волю, поскольку оно основывается на ложном понимании свободы. Определяя свободу как право, а не как долг, оно превращает индивидуума в источник свободы, противопоставляя его таким образом государству, которое превращается вследствие этого просто-напросто в посредника, примиряющего индивидуалистические интересы и игнорирующего его высшую реальность – интересы нации. Первостепенная же роль государства, по Джентиле, заключается в том, чтобы взять на себя претворение в жизнь национального предназначения. И поскольку государство претворяет в жизнь судьбу нации, постольку оно должно обладать неограниченной властью, оно должно быть тоталитарным. (Термины «тоталитарный», «тоталитаризм» впервые были введены в употребление именно Д. Джентиле, который характеризовал идеологию фашизма

как «тоталитарную концепцию жизни»). Государство, считает Джентиле, должно быть силой универсально-духовной, универсально-этической, оно должно аккумулировать всю национальную энергию, освободить национальный организм от тлетворного влияния чужеродных элементов и т. д. и т. п.

И, если буржуазные теоретики эпохи либерализма воспевали, выражаясь современным языком, плюрализм идей и действий индивидуумов (так, например, американский просветитель и гуманист Генри Торо писал: «Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это оттого, что ему слышны звуки иного марша? Пусть же он шагает под ту музыку, какая ему слышится, хотя бы и отдаленную»)²⁵¹, то фашистские теоретики требовали единства мыслей и действий всех индивидуумов, их подчинения целому, абсолютному.

В первой партийной программе итальянских фашистов (1921 г.) было записано: «Партия рассматривает государство не как простую сумму индивидов, живущих в определенное время и на определенной территории, но как организм, содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, живущих и будущих поколений, для которых отдельные индивиды представляются лишь преходящими моментами. Из этой концепции общества партия выводит категорический императив: индивиды и группы (категории, классы) должны подчинить свои интересы высшим интересам национального организма»²⁵².

Разъясняя концепцию фашистского государства, Муссолини провозглашал: фашизм понимает государство как абсолют, по сравнению с которым все отдельные лица или группы имеют относительное значение. Тот, кто говорит фашизм, тот имеет в виду государство²⁵³. «Все в государстве и ничего вне государства» — эти слова Муссолини были своего рода формулой фашистского тоталитарного государства. Лидер испанской фаланги Примо де Ривера также провозглашал: во имя единства все классы и индивидуумы должны подчинить себя общему закону. Государство должно быть орудием на службе

этого единства, в которое оно должно уверовать. Все, что противостоит этому глубоко органичному единству, должно быть отброшено, даже если большинство стоит за него. Мосли в том же духе заявлял: «Движение является фашистским, так как оно... основывается на высоком понимании государства... признает необходимость авторитарного государства, стоящего выше партий и фракционных интересов»²⁵⁴.

Приписывая государству абсолютный и первоначальный суверенитет, фашисты отвергали демократию, демократические институты, любые демократические процедуры. Не случайно, что первая же речь Муссолини после прихода к власти была открытым оскорблением парламента. Муссолини не требовал доверия для своего правительства, а угрожал парламенту, запугивая своих противников «свирепой тоталитарной волей фашистов»: «Я мог бы воспользоваться победой, я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивак. Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил коалиционное правительство, но не для того, чтобы получить парламентское большинство,— я в нем не нуждаюсь... Я составил коалиционное правительство, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех — независимо от партий,— кто хочет спасти ее... Я не хочу править вопреки палате, коль скоро в этом нет необходимости. Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года... Мы требуем полноты власти... »²⁵⁵.

Не демократия, а сила — вот источник нашей власти, цинично заявлял Муссолини; именно поэтому-то он и пользовался максимумом силы, находящейся в его распоряжении. В конечном счете именно сила влечет за собой согласие. Во всяком случае, когда не хватает согласия, то имеется сила и т. д. и т. п.,— твердил Муссолини.

Германские фашисты, отвергая либерально-демократические институты²⁵⁶, также воспевали тоталитаризм, сильное государство, верховную волю вождя, фюрера. Так, философ-

ствующие фашисты Кронер, Глокнер и др., грубо нападая на «пустозвонство» демократии, требовали строить государство на иерархических принципах, в духе сословных государств. Они доказывали, что воля государства должна находить свое выражение в воле фюрера, что сила государства исходит от фюрера. Верховный фюрер наделяет всех других фюреров определенными полномочиями в строго иерархическом порядке. Каждый из фюреров безоговорочно подчиняется своему непосредственному начальнику, но при этом имеет, в сущности, неограниченную власть над подчиненными ему фюрерами.

Для обоснования права фюрера на руководство государством фашистские идеологи широко использовали аргументы иррационального, мистического характера. Отбросив как чуждую национальному духу идею общественного договора, они на ее место выдвинули идею о мессианской роли вождя, отмеченного печатью избранности, о фюрере как выразителе и олицетворении расового, национального и народного духа. Государство, по мнению фашистских идеологов, является воплощением расовой, народной общности, общности нации и крови. Цель государства состоит в сохранении этих общностей. Не народ создает государство, а, наоборот, государство, возникшее как результат предначертаний судьбы, выраженных в воле фюрера, объединяет народ и нацию.

Оправдывая идею фюрерства, в частности, сам Гитлер уподоблял человеческое общество биологическому организму, у которого должны быть голова и тело. Голова, мозг нации — ее фюрер. Избранный круг фюреров с абсолютным авторитетом и абсолютной ответственностью он противопоставлял безответственной демократической парламентской системе. Вместо мнимых парламентских свобод и равенства Гитлер предлагал немцам беспрекословное подчинение фюреру и государству, требовал железной дисциплины во имя нации, во имя общего блага.

Фашистская клика окружила Гитлера, Муссолини ореолом непогрешимости. В своем безграничном поклонении

перед Гитлером Р. Гесс дошел до того, что утверждал: «С гордостью мы видим, что есть один человек, который находится за пределами критики. Это — фюрер. Все мы чувствуем и осознаем: он всегда прав и всегда будет прав. Наш национал-социализм зиждется на полной лояльности и молчаливом исполнении его приказов. Мы верим, что фюрер повинуется высшему зову, требующему изменения курса германской истории! Нет и не может быть никакой критики этой веры». «Человек, — вещал в том же духе Лей, фюрер фашистских «профсоюзов» в Германии, — должен признавать авторитет. На этом покоится принцип вождизма и общности. Общность без авторитета немислима. Раса и кровь сами по себе не создают общности. Поэтому фюрер, который воплощает авторитет нашего общества, для нас неприкасаем. Фюрер нации стоит выше критики для любого немца на вечные времена... Никто не имеет права задаваться вопросом: прав ли фюрер, верно ли то, что он говорит? Ибо, повторяю еще раз, — то, что говорит фюрер, всегда верно»²⁵⁷.

В апреле 1942 г. фашистский рейхстаг на своем заседании, кстати последнем, даже формально поставил Гитлера над законом и провозгласил его неограниченным владыкой над жизнью и смертью миллионов простых немцев. Фюрер может в случае необходимости принудить любого немца всеми находящимися в его распоряжении средствами к исполнению своего долга и при нарушении этого долга покарать без оглядки на так называемое естественное право, гласил фашистский закон.

Культ фюрера занимал центральное место в нацистской системе одурманивания масс. В детской организации, в союзе гитлеровской молодежи «гитлерюгенд», в «трудовом фронте» (в фашистских профсоюзах), на производстве и дома, в театре и кино твердилось одно и то же: Фюрер всегда прав! Безоговорочно выполняй приказ фюрера! Справедливо все то, что служит национал-социализму и фюреру!

Польский исследователь фашизма Ф. Рышка пишет, что «вероятно, было два источника, служивших примерами

для подражания, доведенные в фашистском государстве до абсурда: пример папской непогрешимости (так обозначенный в политическом трактате Ж. де Местра «О папе») в католической церкви и образец военной иерархии, наиболее полно претворенный в прусской армии». Последнее, подчеркивает Ф. Рышка, было особенно важным: «Поскольку фашизм ориентировался на войну, организация государства копировала организацию армии. Здесь проявляется диалектическое изменение положения...армия воспроизводила черты общества; общество, организованное в фашистское государство, становится отражением армии»²⁵⁸.

Весь фашистский государственный аппарат был проникнут духом беспрекословного подчинения руководителям фашистского государства. Закон от 26 января 1937 г. обязал чиновников приносить клятву, в которой говорилось: «Клянусь, что буду верен и послушен фюреру». На принципе вождизма, принципе иерархии (решения – сверху вниз, ответственность – снизу вверх) строилась и фашистская партия. В сущности, фашистская партия не была политической партией в точном смысле этого слова. Она не имела никаких подлинно открытых политических функций. Вся ее деятельность сводилась к исполнению функций организационно-технических, пропагандистских, даже полицейских. Никакой политической самостоятельностью и активностью эта партия не обладала. Вся полнота власти в партии (как и в государстве) принадлежала фюреру, вождю, харизматическому лидеру²⁵⁹.

Наряду с иерархическим принципом фюрерства, важнейшим звеном построения фашистской тоталитарной диктатуры был принцип корпоративно-сословный. Фашистские идеологи и политики доказывали, что единство государства возможно только на основе профессионально-сословного строя, базирующегося на строгом соподчинении сословий и корпораций по рангу и потому якобы не знающего никаких классов, никакой классовой борьбы.

Апеллируя к принципу корпоративизма, фашисты провозглашали намерение достичь классового сотрудничества и

объединения в фашистских корпорациях, в частности, в профсоюзах всех без исключения классов, занимающихся всеми видами умственного и физического труда. Так, съезд фашистских синдикатов (профсоюзов) Италии констатировал в 1922 г.: общество, опирающееся на профсоюзы, одинаково защищает интересы всех классов и профессиональных категорий. Профессиональная организация не является более специфическим признаком только рабочего класса. Она становится формой организации всей нации, высшим синтезом всех физических и нравственных качеств нации. И далее съезд подчеркивал: «Заменить классовое сознание национальным, доказать рабочим, что в их интересах стремиться от группового эгоизма в пользу национальной солидарности – вот задача фашистских профсоюзов»²⁶⁰.

Муссолини лично постоянно навязывал идею сотрудничества классов, якобы лежащую в основе фашистского синдикализма. «Фашистский синдикализм, – твердил он, – отличается от красного одной фундаментальной чертой: он не ставит себе задачу нанести какой-либо ущерб частной собственности. Когда предприниматель находится перед лицом красного профсоюза, он имеет перед собой профсоюз, который... имеет своей конечной целью борьбу за общее изменение существующего положения, т. е. уничтожение права на собственность. Наш же синдикализм стремится только улучшить положение тех классов и групп, которые собираются под его знамена, и не имеет конечных целей. Наш синдикализм основан на сотрудничестве на всех стадиях процесса производства. Он сотрудничает в первый период, когда речь идет о производстве богатств. Он продолжает сотрудничать во второй период, когда дело касается валоризации этих богатств. Он не может не сотрудничать и на третьей ступени, когда речь идет о распределении полученной прибыли»²⁶¹. В рамках корпоративной системы предприниматели и рабочие должны выступать в органическом единстве, как производители.

Примечательно, что функции по согласованию классовых интересов фашистское государство брало на себя. «Италия

отвергает крайность разрешения социального вопроса русскими, которые признают только за рабочей силой право юридически дисциплинировать производственные отношения, но она отвергает также крайности ложно научного американского тейлоризма, который передает право организации производства исключительно хозяевам. Между тем и другим разрешением вопроса фашизм... выдвигает третий элемент, возвышающийся над всеми классовыми концепциями и в котором разрешаются все противоречия, — государство»²⁶², — подчеркивал Муссолини.

В своей книге «Фашизм в Британии» Мосли также характеризует корпоративное государство как величайшую конструктивную концепцию, которая когда-либо была придумана человеческим умом. Он пишет: «Наша политика — это установление корпоративного государства... это... государство, организованное подобно человеческому телу. Каждый член этой организации действует в соответствии с общей целью под руководством и направляющим мозгом фашистского правительства. Все интересы сплетены в непрерывно функционирующий аппарат корпоративного производства. Внутри корпоративной структуры интересы федерации профсоюзов и предпринимателей уже будут представлять собой не генеральные штабы враждующих армий, а совместное управление национальным предприятием. Классовая война уступит место национальному сотрудничеству. Мощь организованного государства обратится против всех, проводящих сепаратную антинациональную политику»²⁶³.

Отметим, что идея организации сословно-корпоративного строя принадлежит отнюдь не фашистам. Как известно, средневековое феодальное общество было сословно-корпоративным и его идеологи обосновывали неравенство сословий «волею божией». В XIX в. идею о корпорации выдвигал Гегель, который рассматривал корпорацию не только как производственное, но и как нравственно-духовное объединение. «Наряду с семьей, — писал Гегель, — корпорация составляет второй,

вырастающий на почве гражданского общества нравственный корень государства... Сама по себе взятая корпорация не есть замкнутый цех; она скорее представляет собою сообщение нравственного характера отдельно стоящему промыслу и включение его в высший круг, в котором он приобретает силу и честь»²⁶⁴. Иными словами, корпорация у Гегеля осуществляет функции политической и нравственной организации, связывающей гражданское общество с государством.

Позднее О. Шпенглер рассматривал корпорацию как идеал в современных условиях уже утерянной гармонии личного и общественного. Средневековые корпорации казались ему той величиной, которая ставила личность в связь с общественными интересами, сочетала экономику и политику, право и обязанности.

Очевидно, что фашистские идеологи придали идее корпорации откровенно реакционный смысл. Разумеется, их апелляции к корпоративному принципу отнюдь не выражали их намерения примирить классовые противоречия и конфликты, согласовать, гармонизировать личные и общественные интересы. Фашистский сословный строй в действительности имел своей подлинной целью закрепить существующее социально-классовое неравенство, привязать рабочий класс, широкие народные массы в качестве органического сословия к сословию (классу) капиталистов. В устах фашистов слова «уничтожить классовые противоречия», «превратить внутринародное напряжение в полезную энергию» и т. п., по сути дела, означали призыв к подавлению любого проявления недовольства фашистским режимом, стремление превратить народные массы в безропотный объект эксплуатации, подчинить их интересы и цели интересам и целям фашизма.

Лживость рассуждений фашистов об общем благе, об органической общности всех граждан сословно-корпоративного государства, начиная с фюрера и кончая последним трудящимся, невольно разоблачается самими идеологами фашизма, когда они пытаются обосновать вывод, что лучшие должны

господствовать над большинством, что расовые особенности наилучшим образом выражены-де у высших классов.

Демагогическими рассуждениями о классовом мире в корпоративном государстве прикрывалась политика насильственного разгрома независимых организаций рабочего класса, всех трудящихся, интеллигенции. Профсоюзы были запрещены. Взамен в Италии были созданы фашистские синдикаты, в Германии – фашистский «рабочий фронт», куда входили работники физического и умственного труда, предприниматели и рабочие, «классовый мир» в которых поддерживался мощным полицейским аппаратом.

Фашисты ликвидировали тарифные договоры, право свободного передвижения рабочих, фактически ввели принудительный труд. В Германии в 1938 г. около 1 млн человек было обязано в принудительном порядке работать на военных предприятиях, на строительстве западного защитного вала и т. д. Была до 60 часов удлинена рабочая неделя, усилена интенсификация труда, что вело, естественно, к росту числа несчастных случаев на производстве и т. п. Фашисты ликвидировали важнейшие социальные завоевания трудящихся, прежде всего, их право на стачки и забастовки.

Итальянская Хартия труда, опубликованная в 1927 г., откровенно защищала господствующее положение капиталиста в фашистском государстве: так как частная организация производства является функцией национального значения, то организатор предприятия отвечает перед государством за ход производства, несет перед ним ответственность за управление предприятием.

Германский Кодекс труда, вступивший в силу 1 мая 1934 г., являл собой ту же картину. Он заморозил заработную плату рабочих на самом низком уровне, отменил все коллективные договоры, регулировавшие раньше отношения между предпринимателями и рабочими, и предоставил предпринимателю, называемому отныне «вождем предприятия», абсолютную власть над рабочими, которые именовались теперь его «дружиной».

В период господства фашизма система государственного контроля и регулирования экономики достигла небывалого размаха. Ввиду стремления фашизма к автаркии для осуществления планов вооружения и военного хозяйства, охватывающего всю экономику, была создана централизованная система, которая насильственными методами подчинила все ресурсы экономики преступным, реваншистским целям. Монополисты получали все больше и больше прямых государственных полномочий.

15 июня 1933 г. Гитлер созвал Генеральный совет по германской экономике. В него вошли Крупп, Тиссен, Фёглер, Бош, Сименс, Шрёдер и другие крупнейшие монополисты, а также Лей (фюрер «трудового фронта»). Перед этим советом была поставлена задача – осуществить жесткую организацию всей экономики страны в целях подготовки к войне. Изданный в 1934 г. закон «О подготовке органической структуры германской экономики» практически превратил организации предпринимателей в часть фашистского государственного аппарата, предоставил им права и полномочия в таких областях, как снабжение сырьем, размещение военных заказов, получение кредитов, ценообразование и т. п.

Объединение аппарата власти фашистского государства с крупнейшими монополиями проявлялось в самых различных сферах. Представители монополий, выступая в качестве руководителей предприятий, располагая неограниченными правами на предприятиях, занимали и все более ответственные государственные должности. С декабря 1937 г. около 400 ведущих представителей монополий Германии были произведены в ранги фюреров экономики. Кроме того, в каждом округе страны национал-социалистическим правительством назначался особый «доверенный труда», являвшийся своего рода диктатором во всех вопросах, касающихся заработной платы и условий труда. О характере этих доверенных лиц можно судить по тому, что «доверенным труда» для Рурской области был Крупп²⁶⁵.

Построенное на принципах фюрерства фашистское тоталитарное государство являло собой страшную систему духовного и физического подавления народа, всех демократически настроенных граждан. Фашисты создали специфическую систему тотального контроля за всеми сферами жизни людей. Детей они поголовно зачисляли в соответствующие фашистские организации. В Италии, например, дети до 8 лет – зачислялись в детскую организацию «Сын Волчицы»; от 8 до 11 лет – в организацию «Балилла»; от 11 до 13 лет – «Балилла-мушкетеры» (они упражнялись с игрушечными ружьями); от 13 до 15 лет – «Авангардисты»; подростки от 15 до 17 лет – «Авангардисты-мушкетеры» (им давали уже боевое оружие); от 17 до 21 года – «Молодые фашисты»; в 21 год молодые итальянцы вступали в фашистскую партию. Все это позволяло фашистам установить тотальный контроль за поведением и мышлением итальянцев, осуществлять тотальное манипулирование людьми. Все, начиная с 6-летних детей, давали клятву служить фашизму до последней капли крови. Воспитание шло в духе лозунга: «Верить – повиняться – сражаться». Кроме того, подобный конвейер обеспечивал большой механический рост численности фашистской партии.

В целях подавления любых попыток сопротивления фашисты создали разветвленную систему устрашения людей. Главным «производителем страха» были внесудебные преследования: аресты, ссылки, концентрационные лагеря. Причем факты репрессий отнюдь не скрывались. Напротив, насаждение атмосферы страха рассматривалось фашистами как важный метод подчинения, подавления людей. Гитлер и другие фашистские заправилы открыто говорили о том, какие цели преследует фашистское тоталитарное государство: того, кто не желает изменить свой образ мышления, надо согнуть; искоренение марксизма до последнего; смертная казнь за измену стране и народу; ликвидация раковой опухоли демократии; строжайшее авторитарное руководство государством.

Для подавления инакомыслящих, для организации террора фашисты создали специальные вооруженные отряды. Гит-

лер цинично признавал, что штурмовые отряды, СА, СС, тайная полиция (гестапо) и т. п. создавались, прежде всего, для борьбы против рабочего класса, против демократической интеллигенции, против коммунистов, социалистов и марксистов.

Фашистам нужны были эти отряды потому, что, как заявлял Гитлер, «самую высокую идею можно задушить, убив ее носителя ударом дубинки по голове». То, в чем мы нуждались, продолжал Гитлер, была не сотня и не две отважных конспираторов, а сотни тысяч фанатичных борцов, одержимых нашими идеалами. Мы должны заставить марксизм понять, что национал-социализм – будущий хозяин улицы и что в один прекрасный день он станет хозяином государства.

Численность специальных вооруженных формирований фашистов постоянно возрастала. Так, если в 1940 г. войска СС насчитывали 100 тыс., то к концу войны их было уже около 580 тыс. человек. Подобные военизированные отряды фашистов создавались и в других странах: в Италии это были легионы чернорубашечников, в Румынии – «железнодорожники», в Венгрии – «скрещенные стрелы», в Финляндии – щуцкоровцы, в Болгарии – легионеры, в Японии – специальные офицерские подразделения²⁶⁶. Создание «неофициальных» военизированных отрядов – новое явление в политике правящих классов. До мировой войны 1914 г. правящие классы опирались на официальные государственные репрессивные структуры: государственный бюрократический аппарат, полицию, жандармерию, армию. Теперь они организуют свои боевые отряды, численность которых в целом ряде стран превосходит размеры регулярной армии. Задача этих отрядов помимо поддержания внутренней реакции в «мирное время» заключается в военное время в том: а) чтобы быть постоянным надежным резервом для подавления революционных движений, возникающих во время войны или к концу ее; б) чтобы гнать массы штыками на войну в случае мобилизации; в) чтобы быть готовыми кадрами для современных армий на случай агрессивной, империалистической войны²⁶⁷.

Еще до прихода к власти фашисты развернули широкий кровавый террор против прогрессивных, демократически настроенных людей. Избиения, расправы, убийства — все эти средства были для фашистов моральными и законными. Придя к власти, они сделали насилие и террор средством государственной политики. Только в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. после поджога рейхстага фашисты арестовали по всей стране более 10 тыс. антифашистов. Через 4 месяца число арестованных достигло 70 тыс., а к лету 1935 г. — около 320 тыс. человек.

Уже в 1933 г. фашисты создали концентрационные лагеря, которые использовали в целях «превентивного заключения» политических противников фашизма. Как свидетельствует западногерманский историк Г. Вайзенборн, в 1939 г., к началу второй мировой войны, число антифашистов, репрессированных фашистами, уже достигло 1 млн человек²⁶⁸.

Фашистское тоталитарное государство было не только преступной репрессивной машиной, оно было и абсолютно аморальным. Дурной пример шел сверху и заражал всю фашистскую иерархию. Прелюбодеяние, фактическое многоженство гитлеровских функционеров, продажность, сексуальная извращенность и другие аморальные действия были в порядке вещей и не подлежали никакому наказанию при условии рабски слепой преданности Гитлеру.

Аморализм гитлеровцы пытались обосновать даже юридически. Так, нацисты намеревались создать новое законодательство о браке. По поручению Гимmlера и Бормана был разработан специальный порядок ходатайств и отбора, который имел своей целью обеспечить возможность «вступления в прочные брачные отношения не только с одной женщиной, но и еще с одной». Право вступления во второй брак предполагалось предоставлять сначала «как высокую награду героям войны, кавалерам золотого «германского креста», а также «рыцарского креста». Позднее можно будет распространить это право на кавалеров «железного креста»

первой степени, а также на тех, кто имеет серебряный или золотой знак участника «рукопашных боев», потому что, как любил говорить Гитлер, «лучшему воину достается самая красивая женщина... Если немецкий мужчина-солдат готов безоговорочно умирать, то он должен тогда иметь и свободу безоговорочно любить. Борьба и любовь ведь всегда были связаны друг с другом».

Руководство СС обдумывало также возможность рационального использования половой потенции. Брак, в котором свыше пяти лет не было детей, государство должно расторгнуть, а, кроме того, «все незамужние и замужние женщины, если у них нет четверых детей, обязаны до достижения возраста в тридцать пять лет, произвести с безупречными в расовом отношении немецкими мужчинами четверых детей. Являются ли эти мужчины женатыми или нет, не играет при этом никакой роли. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна отпускать мужа для этой акции»²⁶⁹.

В сущности, в строго научном смысле слова государство в фашистских странах не существовало. Как метко замечает С. Хаффнер, на заключительном этапе существования «третьего рейха» его «конституционный порядок был больше похож на банду, чем на государство, а Гитлер был больше боссом гангстеров, нежели главой государства или правительства»²⁷⁰.

Подрыв конституционных основ буржуазной демократии, установление тотального контроля за всеми сферами жизни граждан, жестокое террористическое подавление инакомыслящих и т. п. — типичная черта фашизма. И не только германского и итальянского. Любого. Испанские правые консервативные силы после победы Народного фронта в 1936 г., напуганные успехом левых, тотчас же лишились веры в эффективность институтов буржуазной демократии и обратились к фашистской «диалектике кулаков и пистолетов»²⁷¹. Во имя «родины» и «чувства справедливости», которые были «попраны» победой левых, фашисты развязали гражданскую

войну, в ходе которой погибло около 1 млн человек; не менее 500 тыс. испанцев были вынуждены покинуть родину, спасаясь от мести фашистов. После своей кровавой победы франкисты обрушили на реальных и потенциальных противников фашизма жесточайшие репрессии. Были запрещены все поддерживавшие республику политические партии, такие как Коммунистическая партия Испании, Испанская социалистическая рабочая партия, другие республиканские партии, ведущие профсоюзные организации. Около 2 млн испанцев прошли в первые послевоенные годы через тюрьмы и лагеря.

Терроризм, возведенный франкистами на уровень государственной политики, сопровождался (так же как в Германии и Италии) принудительным втискиванием общества «в прокрустово ложе корпоративной организации, подчиненной произволу и деспотизму главарей, назначаемых свыше и поддерживаемых полицейской машиной диктатуры».

В Испании вся полнота политической, законодательной, исполнительной, судебной и военной власти на всех этапах существования фашистской диктатуры находилась в руках «каудильо» Франко. Он располагал ничем не ограниченными полномочиями в определении норм и направлений деятельности правительства, в утверждении декретов и законов, в назначении военных и гражданских чиновников, депутатов кортесов и муниципалитетов. Франко был главой государства, главнокомандующим вооруженными силами и каудильо единственной политической партии – фашистской испанской фаланги, а после ее распада – так называемого Национального движения, объединившего всех сторонников режима²⁷².

Подобные черты были присущи фашистским, профашистским режимам не только в Европе, но и в странах других континентов. В Японии тоталитаризм проявлялся в культе императора, армии и самурайства. Все и все должны были подчиняться императорскому государству. Наиболее решительным и преданным инструментом его величества объявлялась армия. Жоржи Амаду в своей книге «Военный китель,

академический мундир, ночная рубашка» вспоминает Бразилию 40-х годов XX в., в которой «под тоталитарной конституцией «Нового государства», в условиях военного положения как следствия побед держав «оси», жесточайшие репрессии достигли небывалого размаха». «Идиллия с нацистской Германией, — пишет Ж. Амаду, — определяла правительственную политику: строжайшая цензура, пресловутый «закон о безопасности» с его трибуналами, никаких гражданских прав, вообще никаких прав, никакой свободы, безграничный произвол полиции. В тюрьмах, исправительных колониях, подвалах полицейских управлений — политические заключенные, пытки»²⁷³.

В конечном счете, как это очевидно, тоталитаризм, отказ от демократии, политическое и духовное подавление народа, как и сам фашизм, — порождение государственно-монополистического капитализма. Тоталитаризм — это, прежде всего, коренная черта фашизма.

Некоторые исследователи сужают понятие и содержание тоталитаризма; на первый план выдвигают его трактовку как лишь антипода либеральной демократии и на этой основе уподобляют фашизм и социализм, которые выступают как два варианта тоталитаризма, в равной мере враждебные демократии, свободе и т. п. И поскольку фашизм, во всяком случае классический, разгромлен, постольку объективно в качестве главного врага демократии сегодня выступают именно социализм и коммунизм. Отсюда неизбежно вытекает вывод: в современных условиях антитоталитаризм — это, прежде всего, борьба с коммунизмом, это антикоммунизм.

В наиболее систематизированном виде концепция тоталитаризма была разработана в 50-х годах XX столетия К. Фридрихом, Х. Арендт, В. Рёпке, А. Майером и другими западными теоретиками. Они наделяли тоталитаризм следующими основными чертами: господство одной партии, одной идеологии, монополия государства на средства массовой информации, на производство вооружения и владение оружием, наличие

террористической тайной полиции, централизованное управление экономикой и т. д. и т. п.²⁷⁴ Можно согласиться с подобным перечнем основных черт тоталитаризма, но в любом случае встает вопрос: кто заинтересован в тоталитарном политическом строе, кому выгодно установление подобного строя, кто реально стоит у власти в тоталитарном государстве?

Во всяком случае очевидно, что тоталитаризм — тенденция государственно-монополистического капитализма. В эпоху монополистического капитализма процесс производства, процесс организации и функционирования производительных сил приобретает все более ярко выраженный общественный характер. Наряду с этим обостряются классовые противоречия. В этих условиях правящие классы стремятся расширить функции государства, бросают открытый вызов демократическим институтам, парламенту и т. д., причем даже в странах, традиционно считающихся парламентскими. Тем не менее, примечательно, что хотя кризис либерально-демократического государства захватил в той или иной мере почти всю послевоенную Европу, переход к новой государственности, откровенно отрицающей старые демократические принципы правления, произошел лишь в наиболее слабых звеньях либерально-демократической системы. Фашизм, тоталитаризм восторжествовали в тех странах, в которых отсутствовали сколько-нибудь прочные демократические традиции и устойчивые формы демократического правления, в которых господствующую роль играла завоевательная идеология.

Подобный характер государства Т. Манн образно выразил в формуле: «Генерал доктор фон Государство».

Послевоенному периоду развития капиталистических стран также присущи тоталитаристские тенденции. Возьмем, к примеру, бывшую ФРГ. Казалось бы, сокрушено страшное тоталитарное государство. Однако, уже в 1950 г. правительство Аденауэра принимает антидемократическое решение об увольнении с государственной службы всех коммунистов, а также других прогрессивных деятелей. Через год оно объявило Ком-

мунистическую партию и ряд других прогрессивных организаций ФРГ «враждебными конституции». В 1951 г. против КПГ начался судебный процесс, который в 1956 г. закончился ее запрещением. Затем политические деятели ХДС/ХСС сформулировали «чрезвычайные законы», введение которых, в сущности, означало бы ликвидацию любых буржуазно-демократических свобод и установление диктатуры правящего класса.

Данные тенденции в 50-е годы XX в. были весьма сильны и в других капиталистических странах, например, в США. Маккартизм, нападки на «инакомыслящих», Ку-клукс-клан и откровенно профашистские группировки – все это типичные черты политической жизни США тех лет.

В 70-е годы антидемократические тенденции к тоталитаризму в западных странах отнюдь не были приостановлены. В тогдашней ФРГ (в 1972 г.) федеральное правительство и правительства земель приняли постановление «О врагах конституции», в соответствии с которым «экстремисты» изгонялись и не принимались более на государственную службу. В 1973 г. были приняты пресловутые «запреты на профессии», подтверждающие отказ принимать на работу в государственные учреждения, а также органы народного образования, школы и т. п. вышеупомянутых «экстремистов». Да и в других капиталистических странах антидемократически настроенные правые, сторонники закручивания гаек во внутренней политике и сегодня отнюдь не ушли со сцены. Больше того, в новой международной обстановке, обусловленной крахом СССР, они видят шанс укрепления своей власти.

Все это подтверждает, что при анализе тоталитаризма важно вскрыть социальный характер власти и господства, выяснить, что и кто стоит за словами «тоталитаризм» и «антитоталитаризм».

Формальная и тем более фактическая несостоятельность отождествления фашизма и социализма вытекает уже из того, что фашизм обосновывал, оправдывал, призывал к тоталитаризму. Напротив, основоположники марксистского социа-

лизма всегда отвергали, всегда критиковали тоталитаризм. Да, К. Маркс, многие марксисты критиковали либеральную демократию, но — слева, не за то, что она есть, а за то, что она недостаточна, формальна; они считали, что политическая эмансипация не гарантирует социальную эмансипацию. Сегодня мы видим, что акцент критики на формальный характер буржуазной демократии был чрезмерным; это обстоятельство помешало многим марксистам понять, что без формальной демократии или, тем более, в противовес ей не добиться и подлинного социального освобождения людей, что без полной демократии нет и социализма.

Бесспорно, черты тоталитаризма были присущи Советскому государству и государственному устройству других стран «реального социализма». Но, разумеется, прежде всего — Советскому государству. Незрелость гражданского общества, культ личности Сталина, нарушение законности и т. п. — все это оставило негативный отпечаток на облике нашего общества. Общественной жизни мешали нетерпимость к инакомыслию, стремление «не высовываться», мыслить по шаблону. Высшие законодательные органы по существу были лишены подлинного контроля над законодательным процессом. Советы зачастую вынуждены были лишь одобрять решения партийных органов. Профсоюзы также превратились лишь в «довесок» государства и партии. Во всяком случае, те черты, которыми наделяют тоталитарное общество Х. Арндт, К. Фридрих и др., формально были присущи и советскому строю.

И все ж, нацизм и большевизм, советский социалистический строй и нацистский режим — антиподы. Нацизм обосновывал и проповедовал бесчеловечную идеологию о превосходстве арийской расы над всеми остальными народами, прежде всего славянскими и еврейским. Нацисты насаждали культ насилия и войны. Они нравственно развращали людей, разжигали в них худшие черты, прежде всего жестокость, презрение по отношению к представителям других народов.

Советские идеалы – построение справедливого общества для всех и каждого, свобода и равенство, солидарность и братство всех людей и народов, честный труд на общественное благо. Созидавая новое общество, советские люди в массе своей интеллектуально и нравственно росли.

Именно поэтому, по нашему мнению, важно раскрывать истинный смысл рассуждений о тоталитаризме. В противном случае за модным термином можно не увидеть или сознательно скрыть подлинные причины утверждения террористических диктатур, подлинные социальные силы, заинтересованные в ликвидации демократии, в установлении режима тоталитарного господства над своей страной, над своим народом. И не только над ними, но и над другими странами и народами.

Примечания

- ²²⁷ Ёсисигэ К. Современная философия. Заметки о «духе Ямато». — М., 1974.
- ²²⁸ Разумовский И. О «философии» японского фашизма. Под знаменем марксизма. 1937. № 6. С. 182.
- ²²⁹ Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. — М., 1983. С. 27, 28.
- ²³⁰ Ludendorf E. Der totale Krieg. — Munchen, 1935. S. 9–10.
- ²³¹ Цит. по: Ерусалимский А. Германский империализм. — М., 1964. С. 352.
- ²³² Цит. по: Палачи Европы. Портреты и памфлеты. — М., 1945. С. 55, 59–60.
- ²³³ Rauschnig H. Hitler Speaks. — N. Y., 1944. P. 225.
- ²³⁴ Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — М., 1961. Т. 7. С. 331, 343.
- ²³⁵ Hennig R. Geopolitik. — Leipzig, 1928. S. 202. См. также: Ratzel F. Politische Geographie. — Munchen, 1923.
- ²³⁶ Цит. по: Далем Ф. Накануне второй мировой войны. — М., 1982. Т. 2. С. 14.
- ²³⁷ Цит. по: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С. 206.
- ²³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546; Т. 4. С. 472; 475–476.
- ²³⁹ Из протокола записи совещания Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза 16 июня 1941 г. — В кн.: Безымянский Л.А. Германские генералы — с Гитлером и без него. — М., 1964. С. 214, 215.
- ²⁴⁰ Цит. по: Бахман К. Кем был Гитлер в действительности? С. 121.
- ²⁴¹ Там же. С. 123, 141.
- ²⁴² Боркин Дж. Преступление и наказание «ИГ Фарбениндустри». С. 167.
- ²⁴³ Там же. С. 172.
- ²⁴⁴ Sator K. Grokapital im Faschismus. — Fr. am M., 1978. S. 67.
- ²⁴⁵ Манчестер У. Оружие Крупна. С. 399.
- ²⁴⁶ Фест И. Гитлер. С. 242.
- ²⁴⁷ Цит. по: Нюрнбергский процесс... Т. 5. С. 119.
- ²⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 114.
- ²⁴⁹ Цит. по: Овчинникова Л.В. Крах Веймарской республики в буржуазной историографии ФРГ. М., 1983. С. 111.
- ²⁵⁰ Гегель. Философия права. — М.; Л., 1934. С. 263, 264.
- ²⁵¹ Торо Генри Давид. Уолден, или Жизнь в лесу. — М., 1962. С. 206.

- ²⁵² Цит. по: *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима. С. 111.
- ²⁵³ Political and Social Doctrine of Fascism. – L., 1933.
- ²⁵⁴ Цит. по: *Датт П.* Фашизм и социалистическая революция. – М., 1935. С. 65.
- ²⁵⁵ Цит. по: *Лопухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. С. 169.
- ²⁵⁶ Примечательно, что фашисты, оскорбляя представительные учреждения и буржуазно-демократические свободы, тем не менее весьма широко использовали их в борьбе за власть. Мы «идем в рейхстаг, – говорил Геббельс в 1928 г., – чтобы в арсенале демократии вооружиться ее собственным оружием. Мы становимся депутатами, чтобы парализовать веймарский дух с его же помощью. Если демократия настолько глупа, что предоставляет нам для этой медвежьей услуги бесплатные билеты и дотации, то это ее дело. Для нас хорош любой легальный способ, чтобы круто повернуть нынешнее положение... Мы приходим как враги! Мы приходим так, как волк врывается в овечье стадо».
- ²⁵⁷ Цит. по: *Галкин А.* Германский фашизм. – М., С. 346.
- ²⁵⁸ *Рышка Ф.* Организация фашистского государства. – В книге: Фашизм и антидемократические режимы в Европе. – М., 1981. С. 26.
- ²⁵⁹ *Тольятти П.* Лекции о фашизме. С. 46, 78, 79.
- ²⁶⁰ Цит. по: *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. С. 37.
- ²⁶¹ Там же. С. 77.
- ²⁶² Цит. по: *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. С. 79.
- ²⁶³ Цит. по: *Датт П.* Фашизм и социалистическая революция. С. 173.
- ²⁶⁴ *Гегель.* Соч. – М.; Л. 1934. Т. VII. С. 260, 261.
- ²⁶⁵ *Schumann H.-G.* Nationalsozialismus und Gewerkschaftsbewegungen. Hannover, 1958.
- ²⁶⁶ См.: История второй мировой войны. Т. 12. С. 124.
- ²⁶⁷ Против войны. Вопрос о войне на VIII Пленуме Исполкома Коминтерна. – М.; Л., 1928. С. 80, 81.
- ²⁶⁸ *Weisenborn C.* Der Lautlose Aufstand. – Hamburg, 1953. S. 14
- ²⁶⁹ См.: *Фест И.* Гитлер. С. 297.
- ²⁷⁰ *Хаффнер С.* Самоубийство Германской империи. С. 82.
- ²⁷¹ *Гибсон Я.* Гранада 1936 г. Убийство Фредерико Гарсия Лорки. – М., 1983. С. 70.
- ²⁷² Там же. С. 10.
- ²⁷³ *Амаду Ж.* Военный китель, академический мундир, ночная рубашка. – «Иностранная литература», 1982. № 8.
- ²⁷⁴ *Friedrich C.J.* Totalitäre Diktatur. – Stuttgart, 1957; *Arendt H.* Elemente und Versprunge totaler Herrschaft. – Fr. am M., 1960; *Rupke W.* Die deutsche Frage. – Zurich, 1945.

Заключение

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на военном параде в ознаменование 69-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, заявил:

Уважаемые граждане России! Дорогие ветераны!

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, прапорщики и мичманы! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы! Поздравляю вас с Днём Победы!

Прошло 69 лет, как закончилась Великая Отечественная война, но 9 мая был, есть и будет нашим главным праздником. Это день национального триумфа, народной гордости, день скорби и вечной памяти.

Это праздник, когда торжествует всепобеждающая сила патриотизма, когда все мы особенно остро чувствуем, что значит быть верным Родине и как важно уметь отстаивать её интересы.

Мы должны быть достойны подвига наших отцов, дедов и прадедов. Они насмерть сражались с врагом, защитили родную землю, сокрушили нацизм.

Победа ковалась на передовой и в тылу, добывалась в партизанских отрядах и в подполье, её приближали мужество блокадного Ленинграда, отвага защитников Севастополя, доблесть тысяч бойцов, непреклонно стоявших на своих рубежах.

В жестоких боях под Москвой и Сталинградом, на Курской Дуге и Днепре определился исход всей Второй мировой войны. Железная воля советского народа, его бесстрашие и стойкость спасли Европу от рабства.

Именно наша страна гнала нацистов до их логова, добила их полного и окончательного разгрома, победила ценой миллионов жертв и страшных испытаний.

Мы всегда будем беречь эту священную, немеркнущую правду, не допустим предательства и забвения героев, всех, кто не жалея себя, сохранил мир на планете.

Дорогие друзья! Сегодня мы склоняем головы перед памятью погибших, перед памятью тех, кого уже нет рядом с нами. В каждой семье чтят их преданность Отчизне.

Неразрывная связь поколений – наше огромное национальное богатство, в нём – сила и достоинство России. Мы благодарим наших ветеранов. Мы гордимся вами!

В этот великий день нет никого роднее, дороже вас. В вашу честь – цветы, салюты и мощь парадных расчётов, но главное – мы отдаём вам тепло наших сердец.

Вы не только с честью прошли через военное лихолетье, но и восстановили страну, работали на общее благо, умели дружить, радоваться жизни и завещали нам держать эту высоту – высоту созидания, единства и любви к Родине.

Мы вас никогда не подведём! Будем беречь Россию и её славную историю, ставить превыше всего служение Отечеству – так было всегда в нашей стране. Уверен, так будет и в будущем!

Слава народу-победителю!

С праздником вас!

С днём Великой Победы!

Ура!

Я посвящаю эти четыре книжки советским людям, победившим фашизм, отстаившим честь, свободу и независимость нашей Родины и спасшим человечество от фашистского варварства и порабощения. Трудным был наш путь к победе. Огромные жертвы принес Советский Союз, советский народ на алтарь великой победы: миллионы жизней своих сынов и дочерей. В текущем, 2015 году исполняется 70 лет со Дня Победы – великого триумфа советских людей. Великая слава и честь России, русскому народу, бывших становым хребтом

СССР. Выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года, И.В. Сталин подчеркнул, что считает русский народ наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Русский народ заслужил в Великой Отечественной войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны. У русского народа ясный ум, стойкий характер и терпение. Русский народ в моменты самого отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города, не впал в отчаяние, не потерял доверие к правительству страны и пошел на тяжелые жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. Это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Выдающиеся лидеры Великобритании и США У. Черчилль и Ф. Рузвельт признавали, что именно русская (советская) армия «выпустила кишки» из германской военной машины, именно Россия выбила дух из фашистского чудовища. «Мы не должны никогда забывать о несоизмеримом вкладе, сделанном в общее дело Россией», — заявлял в палате общин в сентябре 1944 года У. Черчилль. Он выразил уверенность, что будущие поколения признают свой долг перед Россией, перед Красной Армией, также безоговорочно, «как это делали мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед».

К сожалению, и сам Черчилль вскоре «забыл» об этом долге перед Россией, и, тем более, сегодняшние политические деятели Запада, уступающие Черчиллю в интеллектуальном, и нравственном смысле не хотят признать великой роли Советского Союза в спасении человечества от фашистской чумы. Западные страны фактически сразу же после разгрома фашизма начали «холодную войну» против СССР. Они сделали все, чтобы помочь «пятой колонне» разрушить великий Советский Союз, унижить, ослабить Россию.

Тем не менее, вопреки всем противникам внутри и вовне страны Россия возрождается, вновь становится великой. И

это закономерно. Поручкой этому – ее тысячелетняя история, ее традиции, нравы, идеалы российского, русского народа. Победы нашего народа над многочисленными врагами в прошлом, над фашистскими извергами – в XX веке.

России, русским на протяжении своей тысячелетней истории приходилось постоянно заботиться о безопасности своего Отечества. В период своего формирования (за 234 года, 1128–1362 гг.) великорусская народность пережила 160 внешних войн. Позднее в XVI веке Московия почти постоянно (43 г.) воевала против Речи Посполитой, Ливонского Ордена и Швеции, разумеется, ни на один год не прерывая борьбы с противником на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII веке Россия воевала 48 лет, в XVIII в. еще больше – 56 лет (это все подсчеты В.О. Ключевского). И все эти войны по сути своей были оборонительными. Во всяком случае людских и материальных потерь Россия понесла на своей собственной земле гораздо больше, чем на территориях других стран.

Военные нашествия выковали в русских людях готовность на страстное самопожертвование, на величайшее самоотречение. Русские способны на огромные коллективные усилия во имя блага родины, они готовы пожертвовать всем и жертвовали всем.

Именно обостренное чувство патриотизма, нравственное ощущение своей правоты, справедливости своей борьбы обеспечило победу русских над французами на Бородинском поле. «Не один Наполеон испытал то похожее на сновидения чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все... солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений (где после вдесятеро меньших усилий неприятель бежал) испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения. Нравственная сила французской, атакующей армии была истощена. <...> победа нравственная... была одержана русскими под Бородиным. <...> гибель пятисоттысячного нашествия, и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом

противника». Вот такими словами оценил эту победу русских в своем романе «Война и мир» Л.Н. Толстой.

В «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстой еще раз показал, насколько естественным для русских людей является чувство любви к Родине, самопожертвование и самоотречение в ее защите: «Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности <...> поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы <...> в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, они делают так, просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости <...> по какое-нибудь другое чувство, более властное <...>. И это причина есть чувство, резко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к Родине».

И в Великой Отечественной войне против фашизма наш народ также постоянно демонстрировал героизм и самопожертвование. Русские, советские люди шли на гигантские жертвы ради победы над врагом и одержали победу, защитили свободу и независимость своей Родины, спасли человечество от фашистского рабства, а многие народы от геноцида, от полного физического уничтожения. В 1945 году народы надеялись, что победа над фашизмом окончательная, что фашизму никогда больше не будет места на земле.

Этим надеждам не суждено было сбыться. Империализм, взрастивший германский, «классический» фашизм, и в современных условиях рождает «гадов» (Б. Брехт), разжигает, поддерживает все грязное, темное, бесчеловечное, чтобы затормозить развитие человечества в направлении свободы, равенства, социальной справедливости.

Как всегда в истории жестоким и коварным поползновениям западных империалистов противостоит русский народ,

Россия. Именно поэтому сегодня все реакционные силы Запада объединились в борьбе против России. Ведут против России экономическую войну, клеветают на нее, обманывают свои народы, навязывая им лживый образ «агрессивной России», а по сути сами готовятся к агрессии против России, окружая нашу страну военными базами.

Запад разжег в Украине бандитский, в сущности, фашистский национализм, приверженцы которого исповедуют бесчеловечную идеологию и преступную политику на Юго-Востоке Украины, подло разрушают города и поселки, убивают мирных жителей.

Русский народ, понесший самые тяжелые потери, внесший решающий вклад в разгром фашизма, в спасение человечества от фашистского порабощения, знает цену фашизму лучше, чем какой-либо другой народ. Именно поэтому он всегда и всюду будет противостоять фашизму, агрессии, злу, всегда и всюду будет на стороне правды, свободы, социальной справедливости.

В этом заключается историческое призвание русского народа, историческая миссия России.

Для заметок

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРОЕКТОВ

Серия
«Библиотечка Центра развития
социально-гуманитарных проектов»

Из цикла
«ИМИДЖ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ»
праваистории.рф
truthrussia.ru

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ
БЕССОНОВ

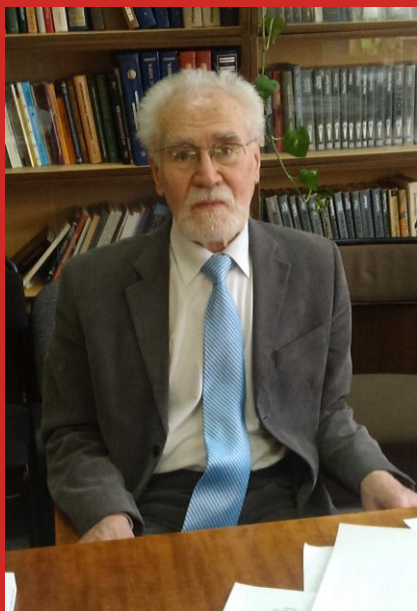
СОВЕТСКИЙ НАРОД – СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
В четырех частях. Часть четвертая

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Технический редактор Л.О. Осемян
Верстка: А.А. Львова, Е.И. Романова, В.М. Топилина

Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная №1. Печ.л. 3,5. Тираж 2400. Заказ
Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, 127238, Ильменский пр., д. 1, стр. 6.

Борис Николаевич Бессонов – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных исследований.

Борис Николаевич – известный российский ученый-обществовед, автор многочисленных научных монографий и статей по проблемам политической философии и социально-политической теории.

Борис Николаевич Бессонов был ответственным работником ЦК КПСС, в 1984 – 1987 гг. консультантом, затем – руководителем группы консультантов отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, в 1979 – 1981 гг. был руководителем группы советских консультантов в отделе внутрипартийной учебы ЦК КП Кубы.

В 1987 – 1991 гг. Борис Николаевич заведовал кафедрой философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1991 г. по 1994 г. – кафедрой философии Академии государственной службы при Президенте РФ.

С 1994 г. по 2001 г. работал в Российском Государственном торгово-экономическом университете (РГТЭУ) в качестве проректора, а с 2001 г. по 2005 г. – в качестве директора института социально-гуманитарных наук РГТЭУ.

С 2005 г. по настоящее время Борис Николаевич заведует общеуниверситетской кафедрой философии и религиоведения Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Большинство своих произведений, в том числе многие книги и статьи, Борис Николаевич Бессонов посвятил разоблачению бесчеловечной идеологии и преступной политики фашизма, убедительному показу великой духовной силы советских людей, сокрушивших фашизм и спасших человечество от фашистского варварства и порабощения.